

Герберт Аптекер

О природе
демократии,
свободы
и революции

Herbert Aptheker

The Nature
of Democracy
Freedom
and Revolution

International Publishers

New York 1967

Герберт Аптекер

О природе
демократии,
свободы
и революции

Общая редакция и предисловие
д-ра философ. наук проф. В. В. МШВЕНИЕРАДЗЕ

Издательство „Прогресс“
Москва 1970

Перевод И. Л. ГАЛИНСКОЙ

Редакция литературы по вопросам философии и права

$\frac{1-5-3}{1-70}$

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕТТИНЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ПУТЬ К ПОДЛИННОЙ СВОБОДЕ И ДЕМОКРАТИИ

(Предисловие)

Имя Герберта Аптекера, одного из видных руководителей Коммунистической партии США, крупного американского ученого-историка, философа и социолога, хорошо известно советскому читателю. На русский язык переведено несколько его работ. Г. Аптекер — большой друг советского народа. «Я считаю за большую честь, — заявил он, когда узнал о готовящемся русском издании его новой книги, — что эта книга будет предложена вниманию читателей в Советском Союзе — стране, созданной революцией, которая больше, чем какая-либо другая в истории, внесла вклад в успешное достижение действительной человеческой свободы».

Наряду с большой партийно-политической деятельностью Г. Аптекер много внимания уделяет общественной и научной работе. Выступая на Всемирной ассамблее мира в Берлине в июне 1969 года, он гневно бичевал империализм США и ФРГ, расизм и агрессивную политику Израиля. «Соединенные Штаты, — подчеркнул оратор, — это страна, хорошо известная разгулом варварского расизма, свирепствующего вот уже свыше трехсот лет и практикуемого в отношении всех цветных народов. Сегодня эта политика проводится во всех областях жизни...».

Г. Аптекер является директором Американского института марксистских исследований, научного цен-

тра, организованного в 1964 году «с целью поддержки и поощрения марксистского и радикального образования в Соединенных Штатах и оказания помощи в организации разумных дискуссий о марксистском мышлении, проведения осмысленного диалога между марксистскими и немарксистскими учеными и писателями». Под руководством Г. Аптекера этот институт систематически проводит теоретические симпозиумы по различным проблемам: «Марксизм и отчуждение», «Марксизм и демократия» и др.

Предлагаемую читателю книгу Г. Аптекера особенно актуальной делает то обстоятельство, что современный антикоммунизм и антимарксизм наибольшие усилия сосредоточивает на демагогической спекуляции и извращении таких понятий, как свобода, демократия, революция. Автор подробно анализирует эти понятия, излагает их марксистскую трактовку и подвергает аргументированному критическому анализу взгляды буржуазных идеологов.

Ценным в книге представляется умелое сочетание автором конкретно-исторического и классово-партийного подхода к анализу явлений. Исследуя проблему свободы, например, Г. Аптекер рассматривает это понятие прежде всего как историческую категорию. «Необходимо, на мой взгляд, понимать свободу как исторический процесс, как то, чего еще нужно достичь, и, следовательно, рассматривать в конкретных условиях времени, страны и социального устройства» (стр. 19). На примере взглядов Джона Мильтона, Томаса Джефферсона и Джона Стюарта Милля и опираясь на солидный историко-философский подтекст автор показывает, что, хотя прошлые взгляды ныне представляются ограниченными, в свое время они сыграли положительную роль. Ограниченность этих взглядов состоит прежде всего в том, что сегодня в корне изменился социальный контекст понимания свободы, что сегодня свобода немыслима без социализма вообще и в частности «социализма, построенного в одной из величайших держав мира». «Спустя 50 лет революция большевиков стала центральным событием в мире, а выкованное ею государство — главной си-

лой, борющейся за социальную справедливость, равноправие и мир» (стр. 36).

Выяснение природы свободы автор непосредственно связывает с проблемой государства и политической власти. Он верно подчеркивает, что, в сущности, вся классическая политическая теория от Аристотеля до Бёрка рассматривала государство как средство для сохранения существующего социального, экономического и политического положения вещей. Литература этого периода освящала господствующие отношения собственности и в качестве аксиомы утверждала, что «правительство существует для того, чтобы защитить частную собственность». С этой аксиомой тесно была связана идея о том, что «существование частной собственности является предпосылкой цивилизации». За этим непосредственно следовал логический вывод: «Управлять могут лишь те, кто обладает собственностью». А так как частная собственность объявлялась сущностью цивилизации, то цивилизованными людьми считались лишь те, кто обладал частной собственностью. Отсюда в обязанность богатых входило сдерживание бедных во имя самой цивилизации.

Буржуазия раннего капитализма в борьбе с феодальными устоями провозгласила «век разума» и свободы. Капитализм отождествлялся со свободным рынком, системой «свободного предпринимательства», «естественным порядком вещей». Классический буржуазный взгляд на свободу — это отсутствие сдерживания. Свобода имела здесь отрицательное определение: поскольку свобода означала отсутствие сдерживания, то граждане считались свободными в той степени, в какой они пользовались этим отсутствием сдерживания. Классический буржуазный взгляд сводил также свободу к чисто политическому явлению, якобы не имеющему отношения к экономике. Более того, одной из основных особенностей буржуазного понимания свободы является признание существования экономического неравенства как критерия и необходимого следствия свободы. Это как нельзя лучше характеризует фальшивый характер буржуазных сво-

бод и апологетическую сущность буржуазных концепций свободы.

Выясняя философско-теоретические предпосылки и апологетический характер буржуазного сознания, Г. Аптекер пишет, что буржуазное понимание свободы покоится на философском идеализме с его отрицанием материально обоснованных и структурно побуждаемых причин как объясняющих экономические, социальные и политические явления. Это также вполне логически следует из точки зрения на капитализм как на естественный порядок.

Одним из характерных признаков современного буржуазного понимания свободы, раскрывающих его антигуманистическое содержание, является неприкрытая проповедь индивидуализма и элитизма. Выдвижение индивидуального на первый план также вполне логически вытекает из всех постулатов буржуазной теории свободы.

Реакционным взглядам на свободу Г. Аптекер противопоставляет марксистское понимание свободы, которое по самому существу своему является позитивным и стремится рассмотреть свободу не столько в смысле отсутствия препятствий для каких угодно действий, сколько в смысле максимальной помощи тому, что должно быть сделано. В отличие и в противоположность буржуазным апологетическим политическим и социологическим теориям, которые считают, что капитализм есть «естественный и неизменный социальный порядок», марксизм подходит к оценке капиталистического строя диалектически, конкретно-исторически, отмечая, что «капитализм — это прогрессивная сила по отношению к феодализму, на смену которому он приходит, но не прогрессивная система в силу своей классовой природы и эксплуататорской сущности» (стр. 68).

Буржуазные теории и сегодня продолжают толковать свободу лишь в политическом смысле, игнорируя экономические факторы, в то время как последние в конечном счете существенным образом детерминируют социальные характеристики и органически связаны с реальным решением проблемы свободы. Поэтому

марксизм рассматривает экономическое неравенство как неотъемлемую черту несвободного общества.

Автор убедительно показывает превосходство социализма над капитализмом в области моральных и духовных ценностей, достижения свободы личности и подлинно равноправных человеческих отношений. Марксизм-ленинизм отвергает всякий элитизм и считает, что материальные и духовные блага, являющиеся результатом труда подавляющего большинства общества, должны принадлежать именно этому большинству и что при нормальных условиях, как свидетельствует исторический опыт, трудящиеся массы вполне способны ими пользоваться. Социализм означает такую социальную систему, в которой трудящиеся эффективно владеют средствами производства. Социализм — это осуществление перехода из царства необходимости в царство свободы, перехода к коммунистическому обществу, в котором будет существовать наиболее полная свобода самовыражения личности во всех областях человеческой деятельности, не препятствующая самовыражению других. «Это приведет к такому возрождению культуры и к такому расцвету человеческой одаренности, о которых люди никогда не смели и мечтать» (стр. 77).

Значительное место Г. Аптекер уделяет проблеме революции и ее связи с демократией. Автор критикует взгляды, согласно которым социальные революции ныне якобы отжили свой век, в частности утверждение известного американского историка А. Шлезингера-младшего о том, что «современная наука наделила правящий класс такой силой, которая делает революции масс устарелым понятием» (стр. 80). Опираясь на действительные исторические факты, автор подчеркивает, что в современную историческую эпоху капиталистический социальный порядок на его империалистической стадии изжил себя и революция стала необходимой и неизбежной.

Выступая против укоренившихся буржуазных взглядов, сводящих революцию к внезапному и насильственному изменению правительства или политической конституции государства и, таким образом, не

проводящих различия между революцией и контрреволюцией, Г. Аптекер определяет революцию как «исторический процесс, ведущий и в конечном итоге приводящий к социальному преобразованию, при котором один господствующий класс заменяется другим, новым классом, который в отличие от старого представляет собой растущую производительную силу и прогрессивные социальные возможности» (стр. 81, 82).

Основной причиной социальной революции являются внутренние противоречия между трудом и капиталом, выражающиеся в борьбе антагонистических классов. Автор подчеркивает, что для обывденного буржуазного сознания стало стереотипным ошибочное отождествление революции с насилием, равно как и изображение мирных преобразований как чего-то противоречащего революции. На исторических примерах он глубоко обосновывает, что «источник насилия, когда последнее имеет место, следует искать в сопротивлении реакции», а не в силах, выступающих за революционное преобразование общественной жизни. Подлинные революционеры XX века, отмечает автор, отнюдь не являются приверженцами силы и насилия; они выступают за коренные социальные изменения, часто сталкиваясь с организованной и систематизированной силой и насилием со стороны защитников отживших и преступных систем. Г. Аптекер искусно разоблачает нелепое, ставшее стереотипным противопоставление революции и демократии. Подобные идеи, рассматривающие революцию как удел заговорщиков, по меткому замечанию автора, «находятся в русле голливудских представлений о революции и не имеют ничего общего с действительностью». Чем глубже природа революционного процесса, тем демократичнее сам этот процесс и тем больше он противоречит каким бы то ни было заговорам, тем глубже его корни и с тем большей необходимостью он требует наиболее глубокого и всестороннего участия в нем подавляющего большинства населения. Автор верно подчеркивает, что именно контрреволюция является антидемократической и

поэтому заговорщической по своему существу. Контр-революция представляет элиту и эксплуататоров, она враждебна интересам огромного большинства, презрительно относится к этому большинству и предпочитает действовать украдкой, тайком, прибегая к заведомому обману и опираясь исключительно на насилие.

Не желая и не умея понять подлинной природы революционного движения масс в современную эпоху, монополистическая буржуазия не только пытается всеми силами дискредитировать саму идею революции, но и навесить на революционный процесс ярлык «чужеземного влияния». С большим интересом читаются те места книги, где Г. Аптекер со знанием фактов и глубоким пониманием дела разоблачает социальную психологию представителей господствующего класса, согласно которой капиталистическая система изображается как сплошная идиллия, а трудящимся людям внушается мысль о необходимости чувствовать полное удовлетворение и проявлять преданность в отношении «счастливого строя». «Отсюда, — замечает автор, — делается вывод, что, если начинается бурное революционное движение, оно отражает не коренные противоречия, антагонизмы и несправедливости, заложенные в недрах старого общества, а, скорее, гнусные махинации психически неполноценных индивидов или происки агентов какой-либо враждебной иностранной державы» (стр. 105).

Органически связывая революционную борьбу трудящихся с подлинно демократическими требованиями, Г. Аптекер убедительно показывает, что сегодня, когда на повестке дня истории первоочередным становится вопрос о наиболее полном воплощении во всех смыслах суверенитета народа, особенно явственно виден демократический и антизаговорщический характер революционного процесса.

Специальный раздел книги посвящен критическому разбору весьма ходкого среди идеологов буржуазии антикоммунистического «аргумента» о «высокой цене» революции, выражающейся в «человеческих

страданиях». Автор справедливо утверждает, что различные лицемерные горестные стенания о так называемой высокой цене революции основаны на извращении действительных фактов, полной дезинформации, на стремлении изобразить капитализм в отрыве от тех действительных страданий, которые он несет народам.

В своеобразной, остро публицистической манере, путем постановки ряда вопросов Г. Аптекер не оставляет камня на камне от демагогических воздыханий буржуазных идеологов о чрезмерно высокой цене революционных преобразований, антиимпериалистических движений. *«Но определялась ли когда-либо цена становления вышеупомянутого империализма?»* — спрашивает автор. За этим следует еще ряд вопросов: «Разве торговля неграми в Африке и обращение их в рабство не связаны со становлением и развитием капитализма? Разве с этим же не связана политика геноцида, проводившаяся по отношению к коренному населению двух Америк и Азии? Разве длившееся столетиями истязание Индии не связано со становлением британского капитализма и империализма? Разве подготовка и ведение войн на протяжении нескольких столетий не были для капитализма самым выгодным бизнесом? Разве не факт, что исторические обстоятельства, о которых я только что упомянул, стоили жизни на протяжении тех же четырех столетий сотням миллионов людей? Разве трудно привести целый ряд других столь же присущих периоду становления капитализма и характерных для колониализма и империализма примеров исторических обстоятельств, стоивших жизни и приносивших ужасные страдания еще многим и многим миллионам мужчин, женщин и детей?» (стр. 112).

Основной смысл всей книги Г. Аптекера — это убедительное доказательство того, что социалистическая революция вызревает внутри капиталистического общества в результате объективных законов ее развития, что она есть неизбежный результат исторического процесса и представляет собой единственный путь к подлинной свободе и демократии.

Одним из важнейших условий действенной критики идеологических противников является творческий подход к самой научной теории — к марксизму-ленинизму, при соблюдении верности его основным принципам, жизненность и истинность которых подтверждена историческим опытом. Ни догматизм, ни ревизионизм не могут служить твердой позицией, обеспечивающей убедительность критического анализа. Напротив, представляя собой две крайности (и в то же время две стороны одной медали), они служат питательной средой для различного рода антимарксистских, антикоммунистических взглядов. В этой связи обращает на себя внимание справедливое критическое замечание Г. Аптекера в адрес югославского философа профессора С. Стояновича, взявшего на себя неблагоприятную задачу противопоставления Маркса Энгельсу. Подобные противопоставления: Маркса — Энгельсу, Маркса — Ленину и т. д. — весьма характерны для «теоретиков» современного антимарксизма и антиленинизма. Их цель состоит в том, чтобы подорвать доверие трудящихся масс к *цельному* марксистско-ленинскому учению, вызвать разногласия внутри марксизма, подорвать идейное единство мирового коммунистического движения. Разумеется, может быть, не всегда ясно просматриваются пути, ведущие от сугубо философских рассуждений в политическую область. Однако вряд ли можно назвать сегодня такую более или менее важную философскую проблему, решение которой не имело бы в конечном итоге выхода в политическую сферу и которая не была бы предметом самых разнузданных спекуляций со стороны наших идейных противников. Все это требует от марксистов-ленинцев весьма бережного отношения к уже достигнутым теоретическим результатам, принципиальности, творчества и активной борьбы против идеологов буржуазии. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий (Москва, июнь 1969 г.), подчеркивал, что «одержать победу в борьбе против империализма, добиться укрепления единства нашего

движения и всех антиимпериалистических сил невозможно, не развернув самого активного наступления на буржуазную идеологию»¹.

В предлагаемой книге читатель найдет несколько интересных мыслей о проблеме нации и национализме. Мысли эти верны, хотя и весьма отрывочны. Прав автор, утверждая, что в борьбе против феодализма капитализм «сформировал и современную нацию, породив сложное чувство, именуемое национализмом». Прав он частично и тогда, когда подчеркивает, что «возникновение современной исторической категории нации и идеологии национализма означало, что верховная власть перестает быть единоличной и становится общенародной» (стр. 40). Частичная правильность второго утверждения обусловлена тем, что, давая краткую характеристику зарождения идеологии национализма в историческом развитии, сам автор ничего не говорит о том, что ограничивает себя вполне определенными рамками. Разумеется, в пору буржуазных революций зародившееся чувство национализма было направлено против нелепого отождествления монарха с государством, и оно имело прогрессивное значение, пробуждая у народа озабоченность интересами всей страны, поднимая чувство ответственности и политического самосознания. Однако если исследовать явление в более зрелой форме (только при таком подходе и появляется возможность верной оценки предшествовавших ступеней в развитии данного явления), а именно современные формы национализма, то станет ясно, что и в те далекие времена буржуазия делала все для того, чтобы ограничить национальные движения масс, подчинить их своим классовым целям и отнюдь не была лишена способности, спекулируя на чувстве национальной гордости, натравливать друг на друга целые народы. И если бы при исследовании этой проблемы автор не ограничился лишь историческими заметками, носящими скорее хронологический характер, а применил,

¹ Л. И. Брежнев, За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, Политиздат, М., 1969, стр. 45—46.

как это он успешно делает в других местах, метод подлинного историзма, требующего единства исторического и логического, то, видимо, национализм получил бы определение не только психологическое, не только как «сложное чувство», но и политическое, как политическое движение.

Значительное место автор уделяет анализу различия между несоциалистическими и социалистическими революциями и формулирует основную особенность социалистической революции, которая не просто изменяет формы господства частной собственности на средства производства, но упраздняет само господство частной собственности, строит свою созидательную деятельность на основе научного мировоззрения — диалектического материализма, требует высокого уровня массового самосознания народа и проводит плановую политику. Вот почему, пишет автор, социализм — это система, свободная от периодических кризисов и прежде всего от ужаса массовой безработицы, принципиально враждебная войне и ведущая в конечном счете к созидательной деятельности по построению антиэксплуататорского социального порядка и тем самым создающая предпосылки для развития подлинно гуманистической исторической эпохи.

Особо следует отметить мысль Г. Аптекера о том, что грандиозные задачи социалистической революции «требуют политической партии нового типа», партии коммунистов, основывающих свою деятельность на принципах марксизма-ленинизма. Учение о партии, о ее идеологических и теоретических основах, ее организационных принципах занимает исключительно важное место в марксистско-ленинской теории. В. И. Ленину принадлежит заслуга создания всестороннего учения о коммунистической партии и претворения этого учения в жизнь. Враги ленинизма всячески искажают и извращают цели и политику коммунистических партий, клеветают на современный рабочий класс, обвиняя его в «утере революционности», фальсифицируя практику коммунистического строительства. Более полное освещение этого вопроса

при анализе проблем революции, свободы и демократии, связанное с критикой современных антикоммунистов, сделало бы книгу Г. Аптекера еще содержательнее.

Советскому читателю будет нетрудно определить, что некоторые вопросы в книге изложены упрощенно и рассчитаны именно на американского читателя. Но при всех обстоятельствах автору следовало бы лучше и полнее использовать достижения ленинского этапа в развитии марксистской философии, важнейшие документы международного коммунистического и рабочего движения, в которых обобщен исторический опыт последнего пятидесятилетия. Это позволило бы дать более четкую характеристику не только международным явлениям, но и многим американским событиям, понять их в свете основного противоречия современной эпохи — противоречия между капитализмом и социализмом и объективного динамизма этого противоречия, при котором социализм неуклонно становится решающей силой мирового развития.

В целом же книга Г. Аптекера — это интересное марксистское исследование наиболее важных и актуальных проблем современной социальной жизни. Она написана с боевых революционных позиций и представляет собой ценное пособие для действенной борьбы против современной буржуазной идеологии.

С согласия автора в книге сделаны незначительные сокращения.

В. Мшвениерадзе

1. СВОБОДА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Начнем с двух кратких высказываний совершенно разных авторов. Первое принадлежит погибшему в Испании еще совсем молодым человеком борцу с фашизмом Кристоферу Кодуэллу. «Свобода, — писал этот герой-коммунист, — представляется мне воистину самой важной из всех проблем»¹. Второе — американскому ученому либерального направления Ральфу С. Брауну-младшему и содержится в его работе (в целом чрезвычайно ценной) «Лояльность и надежность. Тесты для найма рабочих и служащих в США» (1958): «Коммунизм отрицает свободу и стремится к ее уничтожению».

Необходимо, на мой взгляд, понимать свободу как исторический процесс, как то, чего еще нужно достичь и, следовательно, рассматривать в конкретных условиях времени, страны и социального устройства.

Это утверждение можно иллюстрировать очень известным и часто цитируемым высказыванием трех выдающихся защитников доктрины свободы — Джона Мильтона, Томаса Джефферсона и Джона Стюарта Милля. Когда оправдывают идею абстрактной свободы, то, несомненно, никого так часто не цитируют, как их троих. Однако, изучая полные тексты трудов этих

¹ Christopher Caudwell, *Studies and Further Studies in a Dying Culture*, N. Y., 1958, p. 193.

мыслителей, а не только те или иные отдельные их высказывания, приходишь к выводу, что все трое ратовали за успехи человеческой свободы в определенных условиях, причем они сами страстно боролись за это, каждый в свою конкретную историческую эпоху и во имя конкретных исторических целей. Это предопределило ограниченность как самих мыслителей, так и их творчества, но именно это же обусловило и сделало возможным их величие, помогло им действенным образом способствовать движению человечества вперед в реальной, а не абстрактной жизни.

ДЖОН МИЛЬТОН

Чаще всего цитируют мильтоновское изречение, взятое из его «Ареопагитики». Звучит оно так: «И пусть все ветры разносят беспрепятственно всякие учения по земле: раз Истина выступила на борьбу, было бы несправедливо путем цензуры и запрещений ставить преграды ее силе. Пусть она борется с Ложью: кто знает хоть один случай, когда Истина была побеждена в свободной и открытой борьбе?»¹

У читателя сразу же возникает вопрос, *когда* же именно Истина встречалась с Ложью «в свободной и открытой борьбе»? И особенно в тех странах, где исследуемая проблема имела первостепенное значение, а социально-политический правопорядок был эксплуататорским и классовым?

Однако не стоит задавать великому мыслителю XVII века вопросы, свойственные XX веку. Не лучше ли взглянуть на Мильтона глазами его современников и соотечественников, познакомиться с упомянутым памфлетом и установить, что же именно имеет в виду автор.

Процитированный выше отрывок взят мною из оксфордского издания 1894 года (стр. 51—62). Впервые опубликованная в 1644 году книга Мильтона касалась споров, возникающих в Англии во времена

¹ Дж. Мильтон, О свободе печати. Речь к английскому парламенту, «Ареопагитика», М., 1907, стр. 46.

гражданской войны. Мильтон в этом конфликте стал на сторону индепендентов, а последние, борясь за истину в том виде, в каком они ее понимали, преследовали католиков, запрещали епископальную церковь, наказывали антитринитариев и сжигали якобы богохульные книги. Какие же тогда цели ставил перед собой Мильтон в памфлете, имеющем подзаголовок «О свободе бесцензурной печати», и почему он ратует в процитированном отрывке за то, чтобы «все ветры» разносили «беспрепятственно всякие учения по земле»? Зная в связи с чем было написано это эссе, а также помня о партийной принадлежности его автора, можно приступить к ответу на этот вопрос. Однако совершенно необходимо познакомиться и с тем, что написано у Мильтона далее, ибо двумя страницами дальше идет абзац не столь часто цитируемый, но без которого, как это нередко случалось, предыдущий отрывок может быть истолкован неправильно. Послушаем же снова Мильтона:

«Но если все не могут держаться одинаковых убеждений, то кто досмотрит, чтобы они таковых держались? В таком случае, без сомнения, гораздо целесообразнее, благоразумнее и согласнее с христианским учением относиться с терпимостью ко многим, чем подвергать притеснению всех. Я не считаю возможным терпеть папизм как явное суеверие, которое, искореняя все религии и гражданские власти, само должно поэтому подлежать искоренению, однако не иначе, как испытав предварительно все средства любви и сострадания для убеждения слабых и заблудших. Равным образом ни один закон, который не стремится прямо к беззаконию, не может допустить того, что нечестиво или безусловно преступно по отношению к вере или добрым нравам. Но я имею в виду не это, *я говорю о тех соседских разногласиях или, лучше сказать, о том равнодушии* к некоторым пунктам учения и дисциплины, которые хотя и могут быть многочисленны, но не должны необходимо вести к уничтожению в нас единого духа, если только мы будем в состоянии соединиться друг с другом узами мира. Между тем, если бы кто-нибудь захотел писать

и протянуть руку своей помощи медленно подвигающейся реформации, если бы Истина открылась ему раньше других или, по крайней мере, по-видимому открылась, то кто заставляет нас идти по стопам иезуитов и налагать на этого человека обременительную обязанность испрашивать разрешение на столь достойное дело?»¹. (Курсив мой. — Г. А.)

На чьей стороне Мильтон — абсолютно ясно, но также ясны и экстремистские ограничения «ветров», которые должны разносить «беспрепятственно всякие учения по земле». Прогресс налицо — борьба против феодализма, за реформацию, во имя которой Мильтон выступал и ради которой выдвигал свою аргументацию в защиту свободы, причем отнюдь свободы не абстрактной, а, скорее, в понимании протестантской буржуазно-революционной Англии XVII столетия.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

Джефферсона также часто изображают сторонником идеи абстрактной свободы. К примеру, выдающийся правовед Уильям О. Дуглас в своей книге «Права народа» (Нью-Йорк, 1958), направленной против реакционеров, цитирует слова Джефферсона: «Истина есть подлинный и достойный антипод заблуждения»². Суммируя свое понимание кредо Джефферсона, Дуглас заявляет, будто тот считал, что если человечеству «разрешить неограниченную свободу в накоплении знаний, то, по уши погрязши в макулатуре, оно тем не менее обретет мудрость и научится справляться со всеми запутаннейшими головоломными проблемами каждого нового поколения». Подобным же образом очень часто интерпретируют и другое высказывание Джефферсона, которое звучит так: «Если в книге... излагаются ложные факты, докажите их ошибочность, если же книга ложна

¹ Дж. Мильтон, О свободе печати, стр. 48—49.

² «The Jeffersonian Cyclopedia. A comprehensive Collection of the Views of Thomas Jefferson». Ed. by John P. Foley, New York, Russel & Russel, 1967, Vol. I, p. 310, № 2750.

в своей аргументации, опровергните последнюю. Но, бога ради, давайте беспрепятственно выслушаем обе стороны»¹.

Тут вновь неизбежно возникают вопросы, причем терминологически они пребывают преимущественно в сфере опыта нескольких поколений, живших после Джефферсона. Например, возможны ли только две точки зрения в любом из споров и не существуют ли еще многообразные нюансы понятий истинности и ложности? Отметим также присущую веку разума непоколебимую уверенность Джефферсона в том, что путем аргументации и изложения фактов можно прийти к истине. И что тогда? То есть, не полагает ли Джефферсон, что, придя к истине, спор заканчивается и на основании установления истины и в соответствии с ней немедленно следует действие?

Однако, если мы хотим понять суть взглядов Джефферсона и определить, в каком же свете у него предстает проблема человеческой свободы, необходимо опять-таки рассматривать учение и его создателя соотнесенно с тем временем — Америкой XVIII и начала XIX века — и родовыми муками великой буржуазно-демократической, антиколониалистской революции. Только так можно правильнее и глубже понять суть дела. Например, полезно будет узнать, что та самая рука, которая начертала Декларацию независимости, писала и объявления о беглых рабах. Для лучшего понимания сути дела полезно узнать и то, что, объявляя, будто все люди созданы равными, Декларация подразумевала только мужчин, но отнюдь не женщин. И что при этом имелись в виду только некоторые из мужчин, а совсем не все. Ибо тогда в восставших колониях насчитывалось 650 тысяч рабов, 250 тысяч кабальных рабов и 300 тысяч индейцев. Таким образом, сорок процентов всех мужчин страны, не говоря уже о женщинах, не принимались в расчет при рассмотрении вопроса о равенстве и были также лишены всякой роли в осуществлении «народной власти».

¹ «The Jeffersonian Cyclopedia», Vol. I, p. 102, № 908.

Мы говорим об этом совсем не из любви копать в мусоре истории и отнюдь не из желания обнажить глиняные ноги такого колосса, каким был Джефферсон. Вообще-то никого не следует идеализировать, но если уж крайне нужно найти среди людей кумир, то лучшей кандидатуры, чем Томас Джефферсон, не сыщешь. Все это говорится для того, чтобы выяснить ту самую истину, дальнейшему истолкованию которой Джефферсон и посвятил свою жизнь. Все это говорится в попытке добраться до подлинной сущности понятия человеческой свободы, для претворения которой в жизнь было так много сделано Джефферсоном.

Рассуждая так и оперируя при этом действительными фактами истории, опираясь на реальные социальные порядки, нынешние и прежние, необходимо также учитывать и ряд других соображений, касающихся жизни и воззрений самого Джефферсона. Конечно, Джефферсон был выдающимся вождем революции и в этой своей ипостаси был облечен серьезной политической властью. Он, к примеру, был членом Континентального конгресса и губернатором революционного штата Виргиния.

Среди весьма важных вопросов, которые Джефферсону приходилось решать совместно с остальными «отцами-революционерами», было успешное проведение революции и упрочение ее завоеваний в мирных условиях. В этом смысле одной из решающих проблем, стоявших перед «отцами-революционерами», было обращение с контрреволюционерами, то есть с так называемыми тори. Во время революции около 600 или 700 тысяч американцев оставались верными королю и многие из них на деле подтверждали свою преданность. У них-то революционеры, в том числе и Джефферсон, отняли право голоса и право занятия публичных постов, им запретили быть учителями и священнослужителями и вообще заниматься любой общественной деятельностью. У богатых было конфисковано имущество (без суда), многие получили серьезные телесные повреждения, многие были заключены в тюрьмы (без суда) и на долгие годы обречены на принудительный труд, некоторых казнили

(в том числе были и казненные без суда), газеты тори были конфискованы, более 100 тысяч из них были высланы из страны. Тори были лишены большей части прав еще на протяжении шести или семи лет после того, как прозвучал последний выстрел. Некоторые из них, особенно землевладельцы, так никогда и не вернули себе былого материального благосостояния.

Речь шла о всех важнейших правах человека — праве на печатное слово, публичные выступления, праве голоса, собраний, праве на законную судебную защиту и т. д. И в этих-то правах сознательно отказывалось десяткам тысяч людей на протяжении двенадцати-тринадцати лет. Но если об этом и было сказано хоть единое слово осуждения и неодобрения, то ни в трудах Джефферсона, ни в высказываниях Мэдисона, Монро, Генри, Вашингтона или Адамсов, несмотря на продолжительные поиски, автору данных строк так и не удалось его найти. Вот вам конкретный пример того, что во время буржуазно-демократической революции ради расширения прав большинства — прежде поработанных и угнетенных людей — приходилось уничтожать поддерживавшие такое поражение институты и лишать свободы меньшинство.

Еще один пример из эпохи Джефферсона. Всем известны законы о чужестранцах и измене, изданные в 1798 году во время президентства Джона Адамса с целью ограничить политическую свободу республиканской (джефферсоновской) партии. Тут следует прежде всего отметить, что Джон Адамс был великим американским революционером и одним из трех членов комиссии, готовившей проект Декларации независимости. Небезынтересно также указать и на то, что именно критика Джефферсоном этих ограничительных законов в значительной степени способствовала его избранию президентом в 1800 году. И хотя в период президентства Джефферсона все оговорки, содержащиеся в законах о чужестранцах и измене¹, потеряли

¹ На основании закона об измене лица, критиковавшие в печати политику Джона Адамса, подвергались репрессиям. — *Прим. перев.*

силу, сам Джефферсон был весьма обеспокоен настойчивыми и беспринципными нападками на него со стороны федералистской печати. Характер этих нападков станет ясен, если мы скажем, что они были более злобными и недостойными, нежели нападки херстовской печати на «Новый курс»¹. Но не всем известно (это высказывание редко цитируется), что Джефферсон именно поэтому упорно настаивал на правительственном вмешательстве с целью предотвращения такого рода нападков в печати. Так, в 1803 году Джефферсон писал своему другу губернатору Пенсильвании Маккину:

«Потерпев неудачу в ликвидации свободы печати при помощи своего закона, принуждавшего к молчанию, федералисты, кажется, напали на печать с другой стороны, то есть довели ее безнравственность и лживость до такой степени проституирования, что подорвали к ней всякое доверие... Это опасное положение вещей, и печати следует, по возможности, вернуть ее хорошую репутацию. Для этого достаточно будет ограничений, имеющихся в государственных законах, если только их применять. Поэтому я много думал о том, чтобы отдать под суд нескольких самых злостных клеветников. Это поможет восстановить доброе имя печати. Нужны не массовые судебные преследования, которые могли бы выглядеть гонениями, а выборочные»².

Стремясь воссоздать истинный, реальный ход борьбы за человеческую свободу, следует указать и на то, что во время Великой французской революции одним из декретов 1791 года объявлялись вне закона рабочие союзы за «посягательство на свободу и на Декларацию прав человека». В то же время другой декрет грозил смертной казнью приверженцам монархии. Так расправлялась революционная буржуазия со всеми своими врагами — и с рабочими, и с аристократами.

¹ Прогрессивная коалиция, сформировавшаяся в США в 30-е годы XX века, представителем которой был Франклин Рузвельт, и система экономических мероприятий Рузвельта. — *Прим. перев.*

² «The Jeffersonian Cyclopaedia», Vol. II, p. 638, № 5967.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

Изложенные выше соображения во многом относятся и к блистательному творчеству Джона Стюарта Милля, в особенности к его книгам «О свободе», «Соображения о представительном правлении» и к самой ригористической из всех его работ — «Подчинение женщин», в которой наиболее заметно, насколько Милль ушел дальше Джефферсона. Здесь имеется, конечно, классическая аргументация в защиту демократических прав, сформулированная ранее в неоднократно цитировавшемся бессмертном выражении: «У истины есть надежда на успех только в том случае, если каждая грань ее, каждое мнение, олицетворяющее любую крупницу истины, соответственно найдет себе сторонников, и те будут так отстаивать ее, чтобы к этому прислушивались»¹.

Вспомнив о времени, в которое жил Милль, и о классе, к которому он принадлежал (время — Англия середины XIX столетия, класс — верхушка средней буржуазии, поскольку отец его был крупным чиновником Ост-Индской компании), можно понять значение тех довольно суровых ограничений, которыми Милль окружал свою концепцию свободы и представительного правления. Он писал в то время, когда усилились политические волнения промышленной буржуазии и рабочего класса за расширение демократических прав, и поэтому затронутые им вопросы имели непосредственное отношение к самым животрепещущим проблемам жизни. Главной задачей того времени, как впоследствии отмечал Гладстон, было стремление «втиснуть рабочий класс в рамки конституции», то есть добиться для рабочих участия в политическом управлении с тем, чтобы они не посягали на основные устои статус-кво.

Милль выступал против тайного голосования, он возражал против выплаты жалованья депутатам парламента (поскольку только люди зажиточные, располагающие независимым доходом, могут иметь само-

¹ John Stuart Mill, *On Liberty*, London, p. 94.

стоятельные суждения), он требовал, чтобы право голоса имели только налогоплательщики, требовал введения на выборах образовательного ценза, лишения права голоса всех бедняков, получающих государственное пособие, увеличения количества голосов для людей высшего ранга. Так, чиновник, к примеру, получал бы больше избирательных бюллетеней, чем рабочий. Милль благосклонно относился и к ограничениям свободы слова (последнюю Холмс¹ позднее назвал «очевидной современной опасностью»). Можно привести целый ряд указаний Милля на то, что его беспокоила опасность, которую свобода слова представляет для частной собственности.

Милль был сторонником элитизма и презрительно относился к коллективной посредственности народа в целом, признавая решающее влияние талантливых одиночек.

Милль был колониалистом, причем весьма реакционным даже для того времени, а его англосаксонский шовинизм звучит прямо-таки отвратительно. Он ненавидел американское общество, претендовавшее на установление равноправия людей.

Таковы лишь некоторые из весьма серьезных недостатков Джона Стюарта Милля. Несмотря на это, именно его перу принадлежат работы, убедительно и действенно ратовавшие (если рассматривать их на соответствующем историческом фоне) за расширение существовавших свобод для отдельных жителей Англии того времени. Логика этих работ (как это было у Мильтона и Джефферсона) во многом справедлива, даже если абстрагироваться от того времени и причин, которые вызвали их появление.

При изучении вопроса о свободе как продукте исторического развития общества, о свободе как процессе, наиболее существенными являются фактические успехи человеческой свободы. Там, где эти успехи — результат социальных преобразований, добившееся успехов движение одновременно и закрепляет их (или

¹ Оливер Венделл Холмс (1809—1894) — американский мыслитель и литератор. — *Прим. перев.*

же стремится к такому закреплению) и, как правило, не позволяет ни сомневаться в этих успехах, ни тем более их отрицать.

Так, суть французской революции состоит в свержении монархии, и это не подлежит сомнению, коль скоро речь идет о достижениях революции. Точно так же наша конституция гарантирует каждому штату республиканскую форму правления — главный результат революции, который также не подлежит сомнению. Подобным же образом обстоит дело и с 13-й поправкой к нашей конституции. Предполагается, что купленная ценой грандиозного кровопролития поправка эта раз и навсегда положила конец существованию рабского труда. И действительно, она запретила это установление, то есть ту самую систему, которая еще незадолго до принятия поправки репрезентовала частную собственность на сумму 4 миллиарда долларов, владение которой было самым драгоценным правом 350 тысяч рабовладельцев, оказывавших благодаря этому своему праву давление на правительство. Вопрос о рабском труде, таким образом, разрешен в нашей республике на данной стадии ее развития.

Аналогичным же образом в Потсдаме было решено, что немецкий народ волен учреждать любые партии и организации, какие он только пожелает, пропагандировать и обсуждать любые взгляды, *за исключением фашистских*. Ибо фашизм во всех его формах, обличьях и организационных установлениях необходимо было искоренить, и этот вопрос также в соответствии с договором не подлежит никакому дальнейшему обсуждению.

В связи с этим приведем характерный абзац из книги Милля «О свободе», который цитируют очень редко, возможно потому, что он ратует не за абстрактную человеческую свободу. Милль писал: «По мере того, как человеческий род будет двигаться вперед по пути прогресса, вместе с тем будет увеличиваться и число неоспоримых и несомненных учений, и мерилom благосостояния человечества может до известной степени служить число и важность истин, ставших уже

неоспоримыми. Прекращение серьезных споров по каким-либо вопросам является прямым следствием окончательного упрочения известного мнения — упрочения, которое оказывается столь же благотворным, когда вопрос идет о правильном мнении, сколь опасным и вредным по отношению к ложным мнениям. Но хотя такое постепенное сближение границ разногласия во мнениях вдвойне полезно, будучи в одно и то же время неизбежным и крайне необходимым условием прогресса, мы все-таки не обязаны из этого выводить заключение, что все без исключения последствия такого сближения этих границ должны быть всегда благотворны»¹.

Пример Мильтона, Джефферсона и Милля показывает, какое решающее значение при определении ими понятия свободы имели классовые соображения. К этому можно добавить, что в понятии управления и в трудах об управлении принимаются в расчет только джентльмены. Это означает *предположение*, что, кроме джентльменов, все остальные должны быть лишь объектом управления и не более того².

То, что в классово-эксплуататорском обществе слово «Народ» часто писалось с большой буквы, когда подразумевались люди состоятельные, — факт истории; а народом или жителями, массаами, населением называли всех остальных людей, проживающих в стране постоянно, но лишенных всех или почти всех прав, и уж несомненно — права участия в осуществлении политической власти. Точно так же, как и в наши дни, когда пишут о делах Общества с большой буквы, имеют в виду небольшую его верхушку, которая преуспевает за счет всего общества. И до сих пор в классовом обществе существует такое же различие между народом и Народом.

¹ Джон Стюарт Милль, О свободе, СПб., 1906, стр. 89.

² Удачно написал о Милле Эдмунд Лич: «Его волновала проблема свободы английского джентльмена, а не свободы всего человечества». См. статью Лича «Закон как условие свободы» в сборнике Девида Бидни (изд.) «Концепция свободы в антропологии» (Гаага, 1963), стр. 75.

Это характерно и для ограничений свободы у самого Милля. Поэтому он исключает из категорий достойных свободы тех, кого он называет невоспитанными, или недостаточно образованными, или лишенными рациональных умственных способностей. Такое отношение к бедным вообще свойственно эксплуататорам. Бедные потому являются бедными, что у них нет денег и они лишены умственных способностей, что опять-таки объясняет отсутствие у них денег. Эта теория органически связана с расистской концепцией, а последняя, стимулируемая алчностью капитализма, дает рационалистическое объяснение человеческой неполноценности жертв.

Вот почему Свифт в своих «Мыслях на разные темы» считал аксиомой, что «законы в свободной стране устанавливаются либо должны устанавливаться большинством тех, кто владеет землей». Дефо же в памфлете «Истоки коллективной силы английского народа» объяснил, что обладатели земельной собственности — «настоящие хозяева страны», а другие ее обитатели — «только лишь временно проживающие, нечто вроде жильцов меблированных комнат». Вольтер, одно имя которого трубит о Французской революции и является синонимом выражения «Век разума», писал в 1768 году: «Что же касается народа, он всегда будет глупым и варварским. Это бык, которому необходимо ярмо, стрекало и немного сена». И это Вольтер, не Людовик XIV! Очевидно, в этом и кроется существенное различие между народом-быком и тем Народом, представителем которого был Вольтер.

Эта концепция тупости масс важна при объяснении того, почему многие отвергают социализм, считая его недостижимым из-за человеческой природы. Она лежит в основе учения Роберта Михельса, изложенного в его известной книге «Социология политической партии в условиях современной демократии», впервые вышедшей в 1915 году¹. В ней говорится о том, что

¹ Роберт Михельс (1876—1936) — немецкий социолог, жил и работал в Италии. — *Прим. перев.* На протяжении последнего десятилетия эта книга появилась в нескольких изданиях (Collier, Dover, Free Press, Peter Smith).

«демократия немыслима без организации», а организация невозможна без олигархии; отсюда следовало, что демократия неосуществима. Из основных постулатов этой работы довольно редко комментируется следующий: «Массы неразумны почти во всех сферах политической жизни, и это составляет самую прочную основу власти лидеров».

Этот постулат является базой всех теорий элиты, столь распространенных среди неоконсерваторов. Он характерен, например, для работ Уолтера Липпмана, написанных в 50-е годы. С этой мысли начинается ценное исследование подлинной сущности власти правящего класса в США, проведенное в масштабах одного города молодым американским ученым Е. Дигби Болтцеллом. Его книга «Филадельфийские джентльмены» начинается такой фразой: «Не требуется доказательств того, что все комплексные общества — аристократическое, демократическое или тоталитарное — олигархичны, ибо меньшинство управляет в них большинством»¹.

Постулат Михельса ложен. Некомпетентности масс как таковой не существует, а существует отстранение их от власти, угнетение и эксплуатация. Отстранение масс от власти приводит к разной степени их некомпетентности в соответствующих сферах, но этот недостаток не столь существен, как думается идеологам высшего сословия. И это вовсе не заколдованный круг без конца и без начала, ибо вначале осуществляется эксплуатация, а именно она в свою очередь и приводит к пресловутой некомпетентности. Уничтожение эксплуатации *создает возможности* для устранения остаточных элементов такой некомпетентности.

ДЕМОКРАТИЯ И КЛАССЫ

Буржуазия хочет, чтобы область политических отношений была сведена к борьбе между различными группами имущих, а не к борьбе между имущими и

¹ E. Digby Baltzell, Philadelphia Gentlemen: The Making of a National Upper Class, Free Press, 1958, p. 4.

неимущими. Это стремление как в зеркале отражено в конституции Соединенных Штатов, одна из целей которой состоит в том, чтобы затушевать основные классовые противоречия и сделать вид, будто правительство подобно часовому механизму — такое же невозмутимое, точное и справедливое. Политические уступки народу в целом являются важными ступенями в борьбе, но они одновременно служат для того, чтобы уводить борьбу в сторону, в каналы, проложенные политическими представителями класса имущих.

Буржуазные революционеры отдают себе отчет в том, что *истинная* демократия требует существенной тождественности интересов, требует ликвидации классов. Они понимают, что только тогда и может создаться единство. Мэдисон, например, в письме Джефферсону в 1787 году утверждал, что если бы существовало такое общество, члены которого имели бы общие интересы, то «решения могли бы быть выражены просто в мнении, касающемся общего блага», но будь это общество еще и в основном однородным, без «различий частной собственности», то возможна была бы даже «чистая республика» или «простая демократия». Но считая все это иллюзией и имея на то соответствующие исторические основания, Мэдисон видел свою задачу в защите неравенства при сохранении республиканской формы, то есть решение вопроса он усматривал в буржуазной демократии.

В Конституционном конвенте Мэдисон вполне ясно изложил суть дела: «При формировании общества, которое существовало бы века, мы не должны упускать из виду изменений, которые принесет с собой время. Увеличение народонаселения неизбежно увеличит и число тех, кто будет трудиться в поте лица и тайно надеяться на более равномерное распределение жизненных благ. Этих людей со временем станет намного больше, нежели тех, кто поднялся над нищетой. В связи же с равными избирательными правами власть постепенно ускользнет в руки бедных. В нашей стране еще не было аграрных волнений, но симптомов левеллерского духа в определенных местностях, на

наш взгляд, появилось предостаточно, и они предупреждают о грядущей опасности».

Возвращаясь к этому вопросу вопросов вновь в 30-е годы XIX столетия, Мэдисон признался, что разрешить его он не в силах. Как сочетать народную власть с таким экономическим строем общества, при котором средства производства принадлежат меньшинству? Он был уверен, что по мере того, как будет увеличиваться народонаселение, потребуются и значительные изменения в правительстве. Мэдисон считал, что кризис наступит в 30-е годы XX столетия. «К этим изменениям — интеллектуальным, моральным и социальным, — писал он, — должны быть приспособлены все учреждения и законы страны, и тут потребуются вся мудрость мудрейших из патриотов».

Предсказанный Мэдисоном кризис наступил и миновал, он действительно изменил большую часть мира, а оставшая часть еще претерпевает изменения. Тут и вправду потребовалось и ныне требуется вся мудрость и смелость, на которую только способно человечество. Но заря новой жизни уже наступила и поставила на повестку дня новое определение «народа». В наши дни это определение бесконечно шире, намного демократичнее, чем во времена Мильтона, Вольтера, Джефферсона, Мэдисона или Милля.

Мы заканчиваем этот краткий обзор некоторых аспектов истории сложной проблемы человеческой свободы высказыванием, касающимся не абстрактного социализма, а социализма, построенного в одной из величайших держав мира. Высказывание это принадлежит не коммунисту, ибо в данных условиях такой источник покажется, очевидно, более убедительным. Гарольд Дж. Ласки, покойный лидер Британской лейбористской партии, писал в одном из последних томов своей работы «Свобода в современном государстве» (Нью-Йорк, 1949) о Советском Союзе:

«Одним из пунктов стратегии врагов свободы наряду с приуменьением достижений Советского государства стало утверждение, будто победа досталась слишком дорогой ценой. В этот вопрос необходимо внести ясность, что особенно важно для тех, кому

действительно дорога свобода. Советский Союз проложил путь новой цивилизации. Он начал осуществлять эту свою задачу в беспрецедентных, невиданных условиях. Лидеры Советского государства взяли власть в стране, привыкшей только к кровавой тирании, изнуренной и ввергнутой в нищету проигранной войной. В большинстве своем народы в стране были неграмотны и неприспособлены к эксплуатации промышленного потенциала, от которого зависит уровень современной цивилизации. Строительство началось в разгар гражданской войны и внешней интервенции, в условиях голода и эпидемий. Первые несколько лет существования нового строя народ жил буквально в осаде... но тем не менее факт остается фактом: именно в эти годы была осуществлена потрясающая реконструкция. И более того, реконструкция эта была проведена так, что уже через десять лет после свержения царизма страна смогла приступить к полному обобществлению средств производства.

Достижения последнего десятилетия грандиозны: победа в войне, ликвидация безработицы и неграмотности. А растущее в Советском Союзе изобилие просто-таки резко контрастирует с намеренной организацией голода в капиталистических странах. Советский Союз стоит в авангарде цивилизации во всем — в отношении к преступникам, в научном подходе к отсталым народностям, в приложении науки к промышленности и сельскому хозяйству, в преодолении расовых предрассудков и в предоставлении неограниченных возможностей для каждого индивидуума в отдельности, ибо тут в полном смысле этого слова открыта дорога талантам. Конечно, правда и то, что по сравнению с Великобританией и Соединенными Штатами жизненный уровень тут еще невысок; по прошествии двадцати лет страна еще не обрела возможности конкурировать с самыми передовыми капиталистическими государствами, которые беспрепятственно развивались на протяжении столетий. Сравнение должно проводиться, конечно, с дореволюционной Россией, и тогда видно, что достижения как в материальной, так и в духовной сферах грандиозны. Сравнение это в

любом случае будет в пользу нового строя: заработная плата и занятость рабочих, санитарные условия и техника безопасности, страхование и возможность получить образование».

Два десятилетия, прошедшие со времени написания этих слов, на мой взгляд, лишь подтверждают вескость мыслей Ласки. Спустя 50 лет революция большевиков стала центральным событием в мире, а выкованное ею государство — главной силой, борющейся за социальную справедливость, равноправие и мир.

Замечательные достижения в области экономики, техники, народного образования, здравоохранения и культуры, решающий вклад в дело победы над фашизмом, активное противодействие расизму и колониализму, безоговорочная поддержка движения в защиту мира — все это делает социализм главной надеждой человечества.

2. О ПРИРОДЕ СВОБОДЫ

Теперь от рассмотрения исторического аспекта проблемы свободы как процесса мы переходим к исследованию природы свободы как таковой.

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Отправным пунктом нашего исследования будет вопрос о государстве и характере политической власти, ибо от них, несомненно, в огромной степени зависит само наличие свободы и ее природа.

В целом классическая политическая теория (от Аристотеля до Локка и Бёрка) рассматривает государство, или управление, как средство сохранения существующего общественного статус-кво. В качестве основного признака такого статус-кво этой теорией берутся имущественные отношения, которые его характеризуют и определяют. Таким образом и была получена аксиома, будто правительство для того и существует, чтобы охранять частную собственность. Считать это аксиомой было вполне естественным, поскольку с незапамятных времен все государства строились на частной собственности на средства производства. Различия между обществами зависели от разного характера собственности на средства производства, от образованных в связи с этим различных производственных отношений, но отнюдь не от самого наличия частной собственности.

С этим и была связана теория, будто наличие частной собственности является предпосылкой цивилизации. Несомненно, идея эта связана с тем фактом, что

прогресс техники и повышение производительности труда, благодаря чему стала возможной современная цивилизация, были осуществлены на основе разделения труда, явившегося в свою очередь результатом частной собственности на средства производства. Из этого следует (и этот вывод кажется вполне логичным), что управлять дозволено лишь тем, кто принадлежит к разряду имущих. А коль скоро частная собственность является залогом цивилизации и правительство существует для охраны частной собственности и поддержания таким образом цивилизации, то разумеется, что лишь владельцы частной собственности (и только они одни) по праву должны быть облечены государственной властью. Или, как сформулировал эту мысль первый верховный судья Соединенных Штатов Джон Джей, «те, кому принадлежит страна, должны и управлять ею».

По мере того как идея эта прояснялась, она начала казаться все более и более разумной тем, кто извлекал из нее блага, утешая себя мыслью, что, поскольку охрана частной собственности является сутью цивилизации, по-настоящему цивилизованы лишь владельцы собственности. От этого утешительного наблюдения оставался всего один шаг к решительному утверждению, будто цивилизованы только обладатели частной собственности и из них поэтому должно состоять правительство (вспомним, что его главная цель — охрана пресловутой собственности), ибо лишь они одни и способны осуществлять управление. То, что имущие действительно способны осуществлять управление, доказывалось тем, что им удалось стать владельцами частной собственности. Отсюда следует, как сказал Джон Адамс (тут мы снова процитируем высказывание знаменитого американца), что именно «богатым, родовитым и талантливым, безусловно, должна быть поручена забота об управлении». В этом высказывании особого внимания заслуживает убеждение Джона Адамса в том, что примененный им словесный ряд синонимичен, то есть что богатые, несомненно, родовиты, а богатые и родовитые, несомненно, талантливы.

Из этого делался вывод (который с предельной точностью сформулирован в классических трудах), что, поскольку богатые богаты благодаря своим способностям и богатство создает им условия для дальнейшего развития талантов, бедные в свою очередь бедны потому, что они не талантливы, и поэтому их окружение лишь усугубляет врожденное отсутствие способностей.

При этом со всей непосредственностью, присущей правящим классам, предполагалось, что стяжательство свойственно человеческой природе и что чем больше человек преуспевает на ниве стяжательства, тем он человечнее. Иными словами, само понятие успеха означало богатство, а преуспевающим называли человека, оказавшегося владельцем крупной частной собственности. Удачно сложилось и то, что накопление собственности демонстрировало якобы присутствие сверхспособностей, и таким образом богатство становилось как бы справедливым вознаграждением таланта и одновременно свидетельствовало о его наличии.

Отметим, что в определенном смысле существование государства было неизбежным злом, то есть необходимость государства демонстрировала наличие врожденного зла, якобы присущего человечеству и особенно откровенно проявлявшегося в той противозаконной алчности, которая заставляет человека стремиться получить что-либо в свое безраздельное владение — будь то его жена или другая какая-нибудь менее одушевленная собственность. Отметим также, что особенно склонными к такой алчности считались именно люди бедные, лишенные одаренности и вследствие этого — неимущие. А отсюда следовал вывод, что долг богатых — обуздание бедных во имя спасения цивилизации. Вернее, от богатых требовалось, чтобы они обуздали бедных и управляли ими, поскольку, будучи богатыми, они относительно менее злонамеренны, нежели бедные, за что и осыпаны жизненными благами втрое. Вышеупомянутое обуздание становилось основной всеобщей функцией управления.

Итак, верховная, или политическая, власть — неотъемлемое право имущих, причем классическими формами ее являются тирания или олигархия, и только для

незначительных районов с однородным населением — так называемая демократия. С ростом частного землевладения и с введением землевладельцами контроля над производительностью труда (что характерно для докапиталистической формации) все большее развитие получала идея, будто частное владение землей даровано богом, который сотворил земных правителей по четким и определенным иерархическим шаблонам, и что эти помазанники божьи владеют своей собственностью согласно его воле. На вершине же власти восседала земная фигура — монарх (в каждом географическом районе), особе которого изначально присуще право верховной политической власти. Поэтому-то слово «Монарх» всегда писалось с заглавной буквы, особа его украшалась атрибутами сана и верховной власти, а имя — выражениями типа «Его Королевское Высочество», «Его Величество», «Его Светлость», «Царственная Особа», «Король-Солнце», «Верховный Правитель» и другими памятниками словесной изобретательности, соответствующим образом к этому побуждавшей и весьма щедро вознаграждавшей.

В борьбе против феодализма буржуазная революция подняла на вилы вышеуказанное устаревшее средневековое понятие верховной власти. Уничтожив феодализм, капитализм, во-первых, одновременно сформировал и современную нацию, породив сложное чувство, именуемое национализмом. Во-вторых, в ходе ликвидации феодального строя капитализму потребовалось не только оправдание своих посягательств на священные древние формы правления, но и помощь со стороны малоимущих или вовсе неимущих народных масс в свержении власти аристократов и землевладельцев.

Первое обстоятельство — возникновение современной исторической категории нации и идеологии национализма — означало, что верховная власть перестает быть единоличной и становится общенародной. К примеру, Франция — это французы, мужчины и женщины, которые составляли и составляют Францию. Другими словами, Франция — это вовсе не территория, находившаяся в пределах досягаемости и во власти силы меча Людовика XIV, что, по сути, и являлось

содержанием его известного высказывания «государство — это я». Этим Людовик опровергал только входившую тогда в моду концепцию нации, утверждавшую, что Франция — это вовсе не Людовик, а французский народ.

Эта тенденция — отвергать единоличную верховную власть — поддерживалась буржуазией из тактических и политических соображений во время ее революционной борьбы против феодализма. Этот класс хотел оправдать свои собственные притязания на верховную власть, стремясь таким непосредственным путем придать этой власти коллективный характер, при этом буржуазия требовала помощи масс и получала ее на том основании, что в управлении якобы будут участвовать массы. Правда, в начальный период революции буржуазию, еще тогда революционную, весьма тревожил вопрос, как далеко могут пойти массы, насколько серьезно они воспримут идею действительного участия в осуществлении верховной власти и как трудно будет контролировать неисчислимые народные массы, когда падет феодальный строй. Этим страхом проникнуты европейские революции XVII и XVIII столетий; он существовал и во времена нашей американской революции. Смысл предупреждения Гавернира Морриса, сделанного им в 1774 году, заключается в том, что он опасался последствий революционных потрясений. «Для масс, — писал Моррис, — наступило весеннее утро, и я боюсь, что еще до полудня они начнут кусать»¹. Моррис полагал, что массы будут «кусать» не только британских сюзеренов (что было бы в порядке вещей), но и имущих американцев (а это уж было вовсе излишним).

Вот в этой-то антифеодальной революции и берет начало современная теория народного правления (воистину словесный парадокс!), отражающая в ходе политической революции ликвидацию многовековой традиции и практики, согласно которой особа монарха обожествлялась, а смысл его верховной власти сводился к тому, что он господствовал над массами. В ходе

¹ Цит. по: Г. Аптекер, История американского народа. Американская революция 1763—1783, М., ИЛ, 1962, стр. 72.

же антифеодальной революции родилась мысль, что верховная власть вовсе не единолична, а коллективна и суть ее не в подчинении народа, а в народном правлении, то есть в управлении во имя народа и от его имени.

Правда, эта революция не отрицала частной собственности на средства производства. Именно поэтому она и не оспаривала основной идеи, что функция государства — это охрана подобных отношений собственности. Поэтому при первоначальном обсуждении теории народного правления, даже в самом определении того, что такое народ, из кого он состоит, упорно отстаивалось одно ограничение. Народом считались имущие, ибо откровенной задачей управления все еще оставалась охрана частной собственности. А это означало защиту от посягательств неимущих, то есть нецивилизованных и неспособных. Это означало также, что только имущие могут принимать соответствующее участие в осуществлении функций управления. Следовательно, имущие — это народ, а остальная часть населения — обыватели, жители, массы, но никак не народ.

В связи с этим теоретики нового строя оказались перед ужасной загадкой. Народ теперь стал суверенным, но большинство людей не владеет средствами производства, а задача государства — охранять именно такую частную собственность. Как же помешать большинству применить свою власть в целях ликвидации пресловутой собственности и изменения характера государства? Такой выдающийся мыслитель, как Джеймс Мэдисон, откровенно признавался, что он не имеет понятия, каким образом можно разрешить эту задачу. Как мы уже знаем, он полагал, что полностью вопрос назреет к 30-м годам XX столетия, и выражал надежду, что к тому времени человечество накопит достаточно мудрости, чтобы разрубить этот узел!

О ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

При единоличной верховной власти все политические партии, за исключением монархических, считались бунтарскими и поэтому открыто запрещались:

Это происходило в силу самой природы политической партии — организации единомышленников, стремящихся захватить в государстве власть с тем, чтобы добиться своих определенных целей, которые, по их мнению, возымеют великие последствия. Но коль скоро верховная, то есть государственная, власть есть прерогатива монарха, естественно, никакая группировка не может законным путем осуществить задачу захвата власти (для себя или для своей партии).

Именно по этой причине в Англии, стране, которая первой ликвидировала феодализм, политическая партия современного типа сформировалась лишь в годы правления Георга III, то есть в середине XVIII столетия. По этой же причине, когда в Англии сформировалась партия, находившаяся в оппозиции к монархии, ее в насмешку нарекли партией вигов (слово «виг» на старошотландском диалекте означало «конокрад»). Но тем не менее эта оппозиционная партия все же появилась в XVIII столетии, невзирая на все политические теории того времени и интенсивное противодействие со стороны монархии. Она возникла потому, что, уничтожив в стране феодализм и получив в свои руки государственный аппарат, буржуазия стремилась прочно закрепить победу. Политические партии современного типа, по сути дела, являются результатом наличия различных классов и представляют эти классы с их разнообразными интересами. Подъем торгово-промышленной буржуазии в Англии означал, что этот класс будет добиваться политической организации с тем, чтобы отобрать у земельной аристократии и придворных кругов государственную власть. Поскольку вся структура управления в Англии соответствовала доктрине неотделимости верховной власти от личности монарха, новое движение неизбежно должно было вызвать упорное сопротивление как по идеологическим, так и по организационным вопросам.

Случилось так, что объективная социальная действительность, важным фактором которой было возникновение буржуазии, вызвала к жизни образование новых партий де-факто. Двор и земельная аристократия пытались ликвидировать это движение, назвав его

беспрецедентным и откровенно бунтарским. Буржуазия же старалась создать прецедент, апеллируя к провозглашенным при иных обстоятельствах правам англичан, а обвинение в бунтарстве опровергала присягой в личной верности монарху, стремясь при этом изменить законный строй расширением власти парламента.

Изменение строя произошло, и этому помогли относящиеся к тому же периоду события — победа американской революции, последние годы правления Георга III и новейшая парламентская система с ее премьер-министром и кабинетом. Эти социальные и правовые изменения сопровождались идеологическим их оправданием, связанным главным образом с именем Эдмунда Бёрка. Именно Бёрк дал неоспоримое рационалистическое объяснение сосуществования многочисленных партий, хотя и предполагалось, что каждая из них стремится к захвату власти в государстве.

Как мы уже указывали, этот процесс охватил жизнь нескольких поколений, начиная с XVI столетия и почти до конца XVIII, причем он сопровождался поразительной недолговечностью английских правительств и чудовищным насилием. На протяжении почти двух с половиной сотен лет большинство английских премьер-министров смещалось с поста судом и приговаривалось либо к смертной казни, либо к длительному тюремному заключению, либо к ссылке.

Но, поскольку необходимые коренные преобразования все же произошли, появилось и было одобрено данное Бёрком идеологическое обоснование событий. Бёрк говорил о возможности сосуществования многочисленных партий на основе соглашения по двум вопросам: лояльное отношение к частной собственности на средства производства, с одной стороны, и к символу монархии — с другой. Развивая свою теорию далее, Бёрк исходил из того, что управление находится в руках имущих классов и существует в основном для охраны частной собственности. Согласившись с этим, джентльмены-собственники могли уже формировать различные политические партии, основанные на признании частной собственности самых разных видов и форм, но при условии, что все эти партии

признают два основных упомянутых пункта и будут, таким образом, лояльными (и законными) политическими организациями. Различия же между партиями будут отражать неодинаковый кругозор и разные интересы отдельных классов имущих. Но эти различия будут носить лишь тактический характер при сохранении основных интересов государства и цивилизации. Различия будут касаться только того, как лучше способствовать укреплению интересов государства и цивилизации, опирающихся на частную собственность на средства производства. Любая политическая партия или организация, не согласившаяся с этими установлениями, не будет считаться правоверной политической партией, а некоей бунтарской организацией.

Благодаря своей тяге к бюрократической казенщине англичане умудрились соответствующим образом оформить и эту систему. Это умение наглядно демонстрирует наличие у них правящей партии, то есть Правительства, и ведущей партии меньшинства, то есть Самой Лояльной Оппозиции Ее Королевского Величества. Все пишется с заглавных букв, и все весьма благопристойно. Это, далее, отражено и в том, что двум Членам Парламента государство платит повышенное жалованье сравнительно с другими Членами Парламента. Один из них — Премьер-Министр. Он получает прибавку за труды в качестве Первого Министра Ее Королевского Величества, а второму — Лидеру Лояльной Оппозиции Ее Королевского Величества — платят за исполнение обязанностей Лидера, и он обязан соответственно заботиться о стабильности Королевства и цивилизации, возглавляя (тактическую) Оппозицию.

АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Каково же первоначальное отношение к политической партии, когда уже достигнуты успехи в образовании республики, основанной на народовластии? Если политическая власть фактически находится в руках народа, то каким образом в теории могут законно существовать несколько партий, если цель каждой из

них — захват государственной власти? Ответ на этот вопрос сводился к следующему: такие партии не могут существовать законно, и именно такой была точка зрения «отцов-революционеров». Они полагали, что существование политических партий в Англии отражало коррупцию и деспотический характер того правительства, против которого так успешно восстали колонисты. Ибо если у власти стоит народ, то мечтать о захвате власти может только контрреволюционная политическая партия, стремящаяся отобрать верховную власть у народа.

По той же причине первоначальная концепция демократии утверждала, что демократия зиждется на основе единства, а не различия во взглядах. Такое единство должно проистекать из общности интересов всех людей и из их коллективного участия в осуществлении политической власти. По этой же причине считалось также, что существование политических партий в демократической республике — анахронизм и (либо) вообще явление противозаконное.

Вот почему в конституции Соединенных Штатов вообще нет упоминания о политических партиях. Вот почему политические партии как таковые в XVIII и начале XIX столетия пользовались в США дурной славой. Именно поэтому в своем последнем послании конгрессу президент Вашингтон предостерегал, что появление фракций (тогдашний синоним слова «партия») представляет угрозу для самого существования республики. Поэтому-то, когда Джефферсон занялся формированием партийной оппозиции Гамильтону и задумал ее, конечно, в виде политической партии, он делал это тайно и обязал своих друзей, в первую очередь Джеймса Мэдисона, держать все в секрете. Вот почему мы не находим официальных свидетельств существования в Соединенных Штатах политических партий как таковых вплоть до 1816 года, когда впервые был созван национальный съезд политической партии, откровенно заявивший о своем статуте. Это и был Гартфордский съезд, который отрекся от партии федералистов.

Статья конституции, гарантировавшая каждому

штату республиканскую форму правления, отражала концепцию единства взглядов относительно политической основы новой республики. «Отцы» полагали, что основанное на народовластии правительство должно по форме быть республиканским. Но в самой гарантии такой формы заключен парадокс. Парадокс этот состоит в том, что обеспечивающий народовластие документ одновременно заявляет, что форма правления в каждом из штатов *должна* быть республиканской, то есть этот пункт запрещает стоящему у власти народу (а предполагается, что благодаря своей власти народ всемогущ) ликвидировать республику. Это означает, что и при народовластии народ (согласно конституции) не может иметь иной формы правления, кроме республиканской, то есть, иными словами, народу запрещается выбирать монархию. Другого выбора под рукой не было, поскольку именно этот строй был только что сломлен революцией. Заметим, что монархический строй мог с легкостью прижиться в Америке, так как английскую корону в то время не оставляла надежда ликвидировать завоевания американской революции, а в самой Америке даже в высших военных и политических сферах не было недостатка ни в монархистах, ни в тори.

Этот запрет окончателен, он не считается с тем, сколько людей в каждом отдельном штате придерживаются иного мнения. Если, к примеру, 95% населения штата Нью-Йорк пожелают увидеть своим монархом мистера Рокфеллера и даже официально нарекут вышеупомянутого джентльмена королем Нельсоном, в соответствии с конституцией Соединенные Штаты вынуждены будут запретить это, если бы даже потребовалось применить силу против преобладающего большинства, по-видимому, введенных в заблуждение нью-йоркцев.

Но если это сегодня звучит абсурдно, поскольку Соединенным Штатам реставрация монархии не угрожает, то теоретическое обоснование подобной ситуации имеется и весьма веское. Так, скажем, именно оно лежит в основе Потсдамского договора, положившего конец второй мировой войне. Союзники дали торже-

ственную клятву, что впредь немецкий народ свободен в выборе формы правления, что он волен избрать любую форму правления по своему вкусу, лишь бы она не была фашистской. То есть, если 90% немцев пожелают избрать фашистскую форму правления, они не вправе сделать это. Этот запрет был наложен во имя прогресса свободы, и провал при его проведении в жизнь принес бы много вреда делу человеческой свободы.

ТЕРРИТОРИЯ И ОДНОРОДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

В американском опыте формирования республики имеются две особенности, которые весьма уместно отметить при рассмотрении природы свободы. Обе они касаются вопроса осуществимости и долговечности республиканско-демократического правления, и обе часто обсуждаются в трудах классиков политического учения. Это, во-первых, утверждение, будто такое правление возможно только в небольшом географическом районе и при однородном составе населения, и, во-вторых, убеждение, что даже при удовлетворении вышеупомянутых территориальных и демографических требований подобная форма правления долго не просуществует из-за якобы неизбежной тенденции к централизации власти в руках все меньших и меньших группировок людей, пока демократическо-республиканская форма правления не превратится в олигархию или тиранию. С этого момента, полагали классики, весь цикл начнет свой новый кругооборот.

Эти доводы были, конечно, известны «отцам-революционерам», создателям американской республики, и те из них, кто страстно желал сохранения демократическо-республиканской формы правления, разработали ответную теорию, также состоящую из двух частей, тесно связанных между собой.

Особенно интересны положения, разработанные Томасом Джефферсоном и Джеймсом Мэдисоном. Они утверждали, что обширная территория не только не является непреодолимым препятствием для создания жизнеспособной республиканской формы правления,

но, напротив, может стать источником ее силы, поможет перейти республике из детского состояния в зрелое. Теория заключалась в том, что если при существовавших ограничениях в передвижении и связи абсолютная демократия в чистом виде потребует очень узких политических форм (типа древнегреческих полисов), то это не обязательно для демократической республики, где непосредственное демократическое правление будет заменено опосредствованным представительным правлением.

Для вышеупомянутого типа правления необъятная территория станет залогом его длительности, ибо (особенно это касалось Соединенных Штатов, где наряду с огромной территорией существовали четкие местные и региональные различия) она исключает централизацию власти в одном каком-то районе в ущерб могуществу других районов. И точно так же, как необъятность территории затрудняла бы опасную централизацию политической власти, своеобразие многочисленных районов делало подобную централизацию власти весьма невероятной.

Сочетание этих двух особенностей, казалось, дает реальные гарантии невозможности такой централизации власти в любом из географических районов, которая представляла бы угрозу самому существованию демократическо-республиканской формы правления. Политическое устройство, отражающее и выражающее преимущества, проистекающие из обширности территории и определенных местных различий, называется федерацией; оно сочетает разнообразные формы верховной власти каждого из штатов с верховной властью центрального правительства, пекущегося о всей нации в целом.

Гарантируемая географией защита от небезопасной централизации власти казалась еще надежнее и оттого, что на необъятных просторах были рассеяны различные и часто враждебные друг другу или по меньшей мере соперничающие друг с другом экономические прослойки — плантаторы, мелкие фермеры, лавочники, финансисты, промышленники, торговцы пушниной, рыбой и др., чье несходство точно так же

препятствовало социальной централизации власти, как география мешала территориальной. Все это усугублялось различием национальной и религиозной принадлежности людей, составляющих американскую нацию, и этот фактор с демографической точки зрения вновь укреплял уже существовавшую географически и экономически тенденцию к децентрализации политической власти.

Заметим, что в вышеизложенных соображениях ничто не противоречит основному положению политической теории, а именно, что управление существует ради охраны частной собственности и что поэтому правителями должны быть имущие, а управляемыми — неимущие. Проблема тирании сводилась к вопросу централизации власти в руках небольшой части имущих и применении оной в обход интересов других группировок имущих. Именно этого не должна была допускать демократическая республика. Проблема же анархии представлялась как захват власти неимущими. Это называли анархией потому, что речь шла об отказе от классического постулата о задачах управления и последнее в таком случае превращалось в свою противоположность. Иными словами, управление становилось анархией, и в борьбе с ней должны были объединиться все имущие независимо от того, владельцами какой собственности они являются, то есть все уважаемые и здравомыслящие люди.

«Отцы-революционеры» понимали, что федеральное устройство поможет и в противодействии якобы изначально присущей демократическим республиканским правительствам тенденции к все большей централизации власти в руках все меньшего количества людей вплоть до образования олигархии. Но, по их мнению, существовало и другое средство предотвращения подобной централизации власти, которая до тех пор обрекала на неудачу все попытки ввести демократическое правление. И «отцы» полагали, что их средство окажется действенным, несмотря на свою твердую уверенность в том, что для простых смертных власть всегда будет лакомым куском. Эту уверенность «отцы» высказывали довольно часто, причем в таких

выражениях, которыми долго пренебрегали в XX столетии.

Этим средством была система контроля, балансиров и разделения власти, которую приняли за основу при создании конституции Соединенных Штатов. Считалось, что, сделав все три элемента управления (власть административная, законодательная и судебная) независимыми друг от друга и равными друг другу по силе, можно будет избежать централизации власти в руках одной какой-нибудь клики либо одной личности, причем личностью особенно опасной (в свете опыта XVIII столетия) был сам президент. В дополнение к такому разделению власти вводилась система контроля и балансиров, каковой является двухпалатная законодательная власть. Для принятия какого-либо закона необходимо согласие каждой из палат с последующим одобрением президента, а в случае вето его аннуляция производится голосованием при обязательном большинстве двух третей голосов. Такое устройство, по мнению «отцов», на тогдашнем этапе человеческой изобретательности почти исключало появление тирании, особенно в наиболее известном тогда ее обличье — в виде монархии.

И мы повторяем вновь, что «отцы» думали при этом не только о предотвращении тирании, но и анархии в том виде, в каком они ее себе представляли, причем последней они опасались более всего.

Из этого следует, что и федеральное устройство, и система контроля и балансиров весьма и весьма затрудняли для народных масс, не владевших средствами производства, действительное осуществление настоящей политической власти. Но именно это и являлось средством, обеспечивающим длительность демократическо-республиканского правления, ибо главной задачей правления как такового (любого правления независимо от его формы) была охрана частной собственности на средства производства — основное, что характеризовало большинство существовавших донныне разновидностей цивилизаций.

Стоит отметить, что если эта последняя задача часто упоминалась в трудах классиков политического

учения, то предыдущая — предотвращение тирании — была осознана менее полно и обсуждалась не так часто. Однако оба эти элемента воспринимались вкупе, что было весьма естественно для владельцев частной собственности, недавно возглавивших национальную антиколониальную революцию, которая благодаря поддержке и участию в ней масс нанесла поражение британской короне.

В процессе превращения капитализма в монополистический капитализм и империализм частная собственность на средства производства становится тормозящим анахронизмом (это обусловлено темпами обобществления производства и нарастающим протестом колониальных народов); оказывается все труднее и труднее согласовать с теорией народо-властия положение о правлении имущих и во имя имущих. Поэтому Джеймс Мэдисон и предполагал, что капитализм сможет продержаться в своей буржуазно-демократической форме лишь до середины 30-х годов XX столетия, а затем, предсказывал «отец» американской конституции, он лицом к лицу столкнется с беспрецедентным по своим масштабам и, вероятно, неразрешимым кризисом.

Система контроля и балансиров исходит из концепции правительства, милостивого по своей природе, причем имелось в виду именно то самое правительство, которое появилось в Новом Свете в результате победы революции. Это было серьезное отступление от традиционной идеи правления, согласно которой его необходимость обуславливалась порочностью человеческого рода, то есть, следовательно, любое правление было порочно уже в самой своей первооснове. В действительности это отступление не было окончательным, поскольку предполагалось (или, вернее, так оно и было на самом деле), что новое правительство будет состоять из имущих и охранять имущих. Это охранение необходимо было ввиду порочности людей, в особенности же людей неимущих. И все-таки идея милосердия присутствовала у истоков формирования правительства США.

Так, благодаря системе контроля и балансиров

правительство изображается беспристрастным отеческим судьей. Этот бесклассовый подход к правительству, который был и остается характерным для американского общественного мнения (по крайней мере для белых американцев), своей жизнеспособностью обязан тому способу, каким это правительство было образовано. Оно явилось продуктом народной революции, а своей настоящей формой обязано обоснованным спорам в кругу самых разумных и благороднейших патриотов. Правительство, по сути, было сформировано с согласия народа (или по крайней мере с молчаливого согласия народа) и в первоначальной стадии было наиболее прогрессивным и наиболее демократическим из всех существовавших правительств. Оно сохраняло в связи с целым рядом объективных причин эту свою репутацию на протяжении жизни нескольких поколений, хотя огромным и единственным черным пятном на его репутации было существование кабального рабства (*chattel slavery*). Но поскольку рабами были негры, расистская теория оказалась попросту необходимой и удобной для сохранения за правительством ярлыка подлинно народного и бесконечно преданного делу охранения благосостояния всех граждан.

Особенно показателен метод, при помощи которого было сформировано американское правительство, то есть дискуссии и плебисцит. Казалось, это подтверждало, что республика Нового Света явилась живым воплощением века разума. А поскольку полагали, что с уничтожением феодализма возникла социально-экономическая формация, действительно соответствующая законам природы и ни в коей мере не искусственная¹, то особенно верным казалось, что долг молодой революционной республики — намеренно создать такую форму правления, которая соответственно отражала бы торжество разума над суеверием и, следовательно, свободы над тиранией.

¹ По словам Маркса, филантропы верят в «вечность и естественную необходимость капиталистического способа производства» (Соч., т. 23, стр. 458).

3. БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ

Рассмотрим, далее, какой предстает проблема свободы в соответствующих трудах, написанных в ходе смены феодализма капитализмом, а также при жизни поколений, бывших свидетелями становления и упрочения капитализма.

СВОБОДА КАК ОТСУТСТВИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Прежде всего необходимо отметить, что, когда капитализм пришел на смену феодализму, сторонники этих изменений и приверженцы нового строя заявляли, будто это и есть победа разума и, следовательно, свободы. Капитализм — а именно свободный рынок, система свободного предпринимательства и договорных соглашений свободных равноправных партнеров, главенство и непреложность закона спроса и предложения, изысканная теория, согласно которой якобы врожденное стремление к личному возвышению соответствует успеху прогресса человечества, и при всем этом гарантия, что заслуги получают вознаграждение, а отсутствие оных будет наказано, — считался вовсе не действительной социальной системой в смысле какого-нибудь человеческого изобретения, а скорее

достижением в сфере человеческих отношений разумного и естественного порядка вещей. Закон спроса и предложения казался таким же неотвратимым, как и закон земного притяжения. Функционирование свободного предпринимательства и свободного рынка казалось таким же непрерывным и естественным, как морские приливы и отливы.

Веком веры называли эпоху феодализма, веком разума — эпоху капитализма. Разум, который стал отличительным признаком новой науки (последняя в свою очередь сама являлась стимулом развития техники, логически вытекавшего из зарождения и становления капитализма и его победы над феодализмом), считался победителем не только в вопросах физики и астрономии, но и в вопросах политики и экономики.

Все это усугублялось борьбой капитализма против централизованного, законченного и упорядоченного феодального строя. Капитализм стремился к отмене всех искусственных ограничений и к полному простору действия вновь открытых политических и экономических законов. Отсюда и *laissez-faire*: оставьте мир таким, как он есть теперь, когда мы восстановили естественный миропорядок.

Первым компонентом концепции свободы с классической буржуазной точки зрения, следовательно, является взгляд на свободу как на отсутствие ограничений. Свобода рассматривается с негативным знаком. Я, конечно, вовсе не хочу этим сказать, что свободу не ценят. Напротив, ее ценят весьма высоко. Я имею в виду лишь то, что свободу рассматривают с точки зрения ограничений, налагаемых на правительство, ее рассматривают с точки зрения оппозиции к власти и к ее осуществлению. Так, лорд Морли, один из проникновеннейших исследователей проблемы свободы (среди тех, кто придерживается немарксистских взглядов), в работе, исправленной и дополненной им самим в 1921 году, подчеркивал, что «свобода — это не позитивная категория», и рассуждал о «свободе, или отсутствии принуждения», ясно показывая тем

самым, что считает обе категории равнозначными¹.

Итак, свободу рассматривают пока как отсутствие ограничений, которое весьма по душе гражданам из правительства. Именно они свободны настолько, чтобы наслаждаться отсутствием ограничений. Но из этого следует логический вывод: необходимо ограничить правительство, определив границы его власти, поскольку отсутствие правительственной тирании есть следствие ограниченного правления. А иногда наличие вышеупомянутых ограничений считается даже равнозначным свободному обществу либо существованию свободы. Бывший государственный секретарь США Дин Ачесон заявил в «Иейл ревю» (лето 1959 г.), что права «англичан... являлись специфическими и детализированными ограничениями власти». Это довольно парадоксальное определение прав как извлечений из ограничений. Однако Ачесон вновь подчеркивает негативный характер прав, а следовательно, и негативную природу свободы. Поэтому-то в классическом провозглашении свободы, в Билле о правах американской конституции, мы видим, что права эти по сути являются перечислением того, что правительству запрещено.

Если взглянуть глубже, это есть предположение злонамеренной природы власти, допущение, что всякая власть является врагом свободы. И этот наш вывод вовсе не притянут за волосы, ибо достаточно припомнить, как использовалась власть на протяжении истории человечества. Но мысль о том, что злонамеренность власти — всего лишь предположение, так глубоко укоренилась в сознании людей, что зачастую мы об этом факте вовсе не думаем. Однако вернемся к допущению злонамеренной природы политической власти, из которого следует аксиома: в какой мере подобная власть обуздана, в той же мере наличествует свобода,

¹ John Viscount Morley, *On Compromise* (Thinker's Library, 1933, 3rd impression, London, 1946), p. 125. В примечании к этому месту Морли констатирует, что в одном смысле свобода является «позитивной категорией», но далее пишет, что такова она лишь постольку, поскольку оказывает «укрепляющее влияние на личность».

то есть в той же мере отсутствует ограничение личности.

Эти постулаты справедливы и полагаются действительными лишь в том случае, если твердо придерживаться основного принципа (мы о нем уже говорили), будто главным компонентом цивилизации является частная собственность на средства производства, для охранения которой существуют правительство и государство. Все разговоры о превосходстве капитализма сводятся к тому, что он создает строй, якобы пригодный для естественного и беспрепятственного функционирования частнособственнических отношений. А поскольку такой строй был создан, то установлена и напоминающая закон земного притяжения истина — чем мягче правление, тем оно лучше. Действительно, при таком строе само правление становится лишь неизбежным злом.

Оно неизбежно потому, что у нас всегда имеются бедные. Это те самые неразумные, те самые неспособные и лишенные заслуг люди, которые вследствие вышеупомянутых своих качеств бедны и не владеют частной собственностью на средства производства. Они-то и порождают необходимость правления. Оно должно присматривать, как бы бедные, погрязнув в своем невежестве, жадности и грехах, не ликвидировали данную общественно-экономическую формацию, не погубили бы цивилизацию. Правление необходимо также, чтобы следить за тем, как бы кто-то один или какая-либо горстка имущих не забылись бы настолько, чтобы стремиться к узурпации всей полноты власти с целью обогатиться за счет других владельцев собственности. При таком устройстве правительство предотвратит и тиранию и анархию. Справедливое правительство сможет сдерживать даже отмеченный разумом и благословенный богом маятник «естественной» политической экономии.

СВОБОДА КАК ЧИСТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Кроме теории ограничения власти и отсутствия ограничений для граждан, для классической буржуаз-

ной концепции свободы весьма примечательным является сведение свободы к вопросам политики. Иными словами, в классическом учении свобода — только политическая категория; она не имеет отношения к экономике. Этот вывод следует, если стать на точку зрения, что капитализм есть экономическая свобода; что капитализм воплощает в себе разумный подход к вопросам экономики. Такая точка зрения вынуждает называть всякое вмешательство в вопросы экономики и регулирование ее в лучшем случае злонамеренным, а в худшем — тираническим.

Эта точка зрения в XVII и XVIII столетиях была менее последовательной, чем это представляется многим сегодня, поскольку в те времена охранение частной собственности было узаконено как первейшая обязанность правительства и поскольку только имущим разрешалось избирать тех, кто осуществлял управление, и только наиболее имущим разрешалось становиться правителями.

Тем не менее вышеупомянутая теория сохраняет всю свою силу даже в такой развитой буржуазно-демократической республике, как Соединенные Штаты. Тут всеми еще признается, что частное предприятие действительно является собственностью его хозяина, тут и по сей день недружелюбно встречают любые регулирующие законы, касается ли это техники безопасности труда либо чистоты (или хотя бы безвредности) выпускаемой предприятием продукции. И весь процесс трудовых отношений все еще считается пребывающим в основном вне компетенции правительства; последнее вмешивается лишь, когда речь идет об охране общественной безопасности, либо когда оно выступает в роли беспристрастного арбитра или блюстителя порядка. Противоречивость этой теории проявляется и в том упорстве, с которым вопросы здравоохранения и социального обеспечения отдаются на откуп частной медицинской практике или благотворительности.

Здесь особенно уместно вспомнить замечание Маркса:

«Что еще могло бы лучше характеризовать капи-

талистический способ производства, чем эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших правил гигиены и охраны здоровья?»¹

Маркс верно подчеркивает не только изобличающий характер этой необходимости, но и тот факт, что для получения согласия на соблюдение столь элементарных правил требуется борьба.

То, что классическая идея *laissez-faire* меняется и что теории процветающего государства, общественного законодательства, концепции кейнсианства становятся все более и более привычными, свидетельствует о противоречиях капитализма, его нестабильности и о назревающих в нем конфликтах, как внутренних, так и внешних, коренящихся в достижениях и успехах социалистических обществ.

Но при этом без подготовки и ведения войн капитализму вряд ли удалось бы достичь даже той ничтожной и колеблющейся стабильности, которой он достиг после окончания второй мировой войны. Зависимость подобного рода сама по себе все больше и больше угрожает стабильности капитализма как системы, поскольку она порождает также массу вопросов о системе, которая, чтобы жить, должна быть влюблена в смерть.

НЕРАВЕНСТВО И СВОБОДА

Рассмотрение свободы как понятия чисто политического позволяет проследить совершенно формальный характер идеи равенства в буржуазной концепции свободы. Идея равенства здесь существовала лишь в законах, она не распространялась полностью даже на сферу политики, потому что малоимущие не участвовали в избрании высших сановников государства и не допускались к занятию общественных должностей. Вдобавок наличие неравенства в вопросах материальной собственности идеологи буржуазии считали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 493.

доказательством существования свободной формы правления. Я вовсе не хочу сказать этим, что считалось, будто существование богатства и бедности само по себе доказывает отсутствие тирании. Конечно, классическая теория не стояла на такой точке зрения, и, конечно, было хорошо известно, что богатство и бедность существовали наряду с политической тиранией.

Однако классическая буржуазная политическая теория учила, что свободная форма правления предполагает свободу для одаренных и неодаренных. Считалось также, что наличие или отсутствие богатства является основным определяющим фактором наличия или отсутствия одаренности. Отсюда следовало, что при свободной форме правления и естественном экономическом строе, то есть при капитализме, человеку беспрепятственно дозволено проявить всю свою одаренность и поэтому при свободной форме правления сохранится экономическое неравенство. Таким образом, экономическое неравенство становилось первоосновой существования политической свободы, другими словами, свободы вообще, ибо свобода понималась как чисто политическая.

Отсюда основные принципы буржуазной концепции свободы формулируются следующим образом: 1) капитализм — естественный политический и экономический строй; 2) отсутствие государственных ограничений; 3) наличие ограничения действий правительства; 4) для осуществления свободы всякая власть должна быть подвержена контролю, ибо она по существу является злонамеренной; 5) свобода имеет отношение только к политике, но отнюдь не к экономике; 6) существование экономического неравенства — первооснова и необходимое следствие свободы.

В буржуазной концепции свободы имеются еще три более важных компонента, которые требуют дальнейшего разъяснения. Вкратце их можно определить следующим образом: во-первых, стихийность как неотъемлемый элемент свободы; во-вторых, индивидуализм как вопрос первостепенной важности для проблемы свободы и, в-третьих, теория «элиты», которая про-

ходит красной нитью сквозь все представления о свободе. Рассмотрим каждый из этих трех компонентов в отдельности.

СТИХИЙНОСТЬ

Стихийность считается важным элементом свободы в том смысле, что, когда действие стихийно, оно лишено принуждения, ограничения и регулирования. Мы говорим «свободен как ветер» или «держаться свободно и непринужденно». Это связано с бунтом против регулирующей природы феодализма и идеей, будто капитализм есть естественный строй, функционирующий автоматически, правильно и разумно, коль скоро он предоставлен самому себе. Отсюда остается лишь один шаг до утверждения, будто стихийность является сущностью свободы. Согласно буржуазной теории, это утверждение особенно справедливо в том случае, если рассматривать власть как в высшей степени враждебный акт, откуда следует, что планирование или организация контроля либо управления, будучи антиподом стихийности, становится душителем свободы.

В понятии стихийности отразились идеи философского идеализма с его отрицанием материально обоснованных и структурно стимулируемых причин как основных источников экономических, социальных и политических явлений. Это логическое следствие рассмотрения капитализма как естественного порядка; в добавление к этому всякие предложения о социальном изменении, носящем радикальный характер, считаются абсурдными и неуместными.

ИНДИВИДУАЛИЗМ

Огромное значение, придаваемое индивидуализму, также логически проистекает из всех постулатов буржуазной концепции свободы. Если капитализм есть естественный социальный строй, то справедлив лозунг *laisser-faire*, а если это так, то при стихийном саморегулировании справедлив также лозунг «каждый за

себя», как и любое другое естественное проявление. Отсюда и сентенции типа «либо пан, либо пропал», «каждый должен стоять на собственных ногах», «никто никому не должен зарабатывать средства к жизни», «каждый должен сам сколотить состояние», «нужно стать безжалостным, если, конечно, хочешь быть сильным».

Поэтому тут все сконцентрировано в индивиде, а одобрение вызывает только распространение этого правила в границах ответственности за семью. Отсюда уже недалеко до восхваления собственных наслаждений и до превращения поиска личных удовольствий в единственную цель и смысл жизни. Религия несколько умеряет пыл, но даже и в ней спасение есть дело индивидуальное.

Это также относится к раннему пониманию института политики как источника самообогащения (такая политика, например, была узаконена в Англии в XVII и XVIII столетиях) и к американской «системе использования государственных должностей в личных и политических целях» (spoils system), а также к американскому значению термина «политический деятель» (politician). В обществе, главным принципом которого является самообогащение, мы встречаем фактически полную неразбериху в понятии «должностное лицо» (public servant). Дело в том, что на такую службу обычно соглашаются неудачники, люди некомпетентные. Они становятся учителями, ибо если ты знаток своего дела, то делаешь его, а если ты неуч, то обучаешь других; либо священниками, последние не от мира сего и весьма изнежены; либо государственными служащими, которым всегда не хватает денег и они превращаются в прихлебателей и мальчиков на побегушках при неизбежных «видных фигурах».

Ригористическое обоснование этой точки зрения находим в работе, озаглавленной «Чем обязаны друг другу общественные классы?», которая принадлежит перу известного американского социолога Уильяма Грэма Самнера и была написана в 80-е годы прошлого столетия.

Мистер Самнер на протяжении многих лет был

профессором Йельского университета и более известен миру по своей книге «Народные обычаи». В упомянутой выше работе (которая в свое время, между прочим, пользовалась большим спросом) Самнер полностью становится на позиции грубого индивидуализма.

Смысл книги Самнера заключен в ответе на вопрос, вынесенный в ее название. Ставя вопрос, чем обязаны друг другу общественные классы, Самнер отвечает: «Ничем». Каких-нибудь семьдесят лет назад социологи еще не научились применять спекулятивный подход, чтобы отрицать существование классов, и поэтому Самнер говорит о классах как о все-ми признанном факте. Но его тревожила волна радикализма, либерализма и «политики добрых дел» (dogoodism), которая возникла у нас после длительной депрессии 1873—1879 гг. Поэтому он взялся доказать, что в свете «естественной» природы капитализма и неизбежности его прихода любое вмешательство в тот способ, которым распределялось богатство, любое нарушение абсолютной неприкосновенности прав собственности есть невероятное заблуждение и может привести только к катастрофе. Бедные бедны в силу своей неразумности или в силу другого какого-либо дефекта, а богатые богаты в силу своей полной противоположности бедным. Любая попытка посягнуть на действие природы в экономической и социальной сферах привела бы к неисчислимым бедствиям, была бы несправедливой и весьма преходящей, поскольку, как искусственно ни сдерживай одаренность и талант, они все равно возьмут свое и довольно скоро богатые вновь разбогатеют, а бедные обеднеют.

Именно подобного рода рассуждения сделали для апологетов капитализма таким привлекательным применение учения Дарвина к общественному развитию, породив социальный дарвинизм, история которого со знанием дела описана Джеймсом Бертом Левенбергом и другими. Этим также объясняется чрезвычайная популярность романов и трактатов госпожи Эйн Рэнд и появление своеобразного «дви-

жения» в защиту философии высшего и открытого эгоизма.

На противоположном Эйн Рэнд полюсе буржуазной политики, то есть среди либералов, а не консерваторов, распространено мнение, будто индивидуализм и накопление богатства необходимы во имя «свободы». Эта точка зрения сформулирована в нижеследующем высказывании ректора Колумбийского университета Жака Барзена:

«Либеральное мировоззрение не составляет большого секрета. Это мировоззрение свободного человека, свободного потому, что ему не приходится зарабатывать себе на жизнь, следовательно, он сам ответствен за свой свободный выбор и имеет возможность тратить время на то, что ценит и в чем понимает только он один. Немногие политические институты приблизились к пониманию такого рода свободы»¹.

ЭЛИТИЗМ

Логическим развитием индивидуализма стал решительный поворот к теории элиты. Эта теория лежит в основе господствующего учения о «социальной стратификации». При капитализме она особенно могущественна, поскольку этот строй якобы доказывает победу естественного порядка и потому оказавшиеся наверху должны там оставаться не в силу кастовости, наследственности или иной искусственно изобретенной причины, а благодаря своей сверходаренности. Так-то и образовалась «истинная» аристократия и «естественная» элита. Предполагается, что каждый из них «обязан всем самому себе» (*self-made*), поскольку он подлинный победитель в «честной конкуренции» (*fair contest*). Характерная для капитализма теория элиты далее усугубляется расизмом, связанным с развитием и ростом капитализма,

¹ Цит. по: «The University in America», Occasional Paper, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1967, p. 27.

особенно с сегодняшним капитализмом — империализмом.

В сущности, для капитализма характерна двоякая природа теорий элиты. Это, во-первых, внутренняя теория, согласно которой те, кто владеет средствами производства и, следовательно, господствует в обществе, одареннее преобладающего большинства остальной части населения. И во-вторых, внешняя теория, согласно которой темнокожие народности земного шара считаются отсталыми (но в ряде случаев, как, скажем, в нашей стране, эта теория одновременно и внутренняя).

Темнокожие существуют для того, чтобы производить сырой материал для продажи по ценам, назначенным элитой, перевозить его транспортом, принадлежащим элите, и продавать по цене, установленной ею же. «Отсталые» не имеют права выпускать готовую продукцию, они должны покупать ее у высокоразвитых стран, опять же на продиктованных этими странами условиях. Упомянутые народности сверхэксплуатируются и поэтому слабо развиты, но в этой слабости винят не эксплуатацию, а сами народности, а эксплуатацию пытаются выдать за доказательство неполноценности этих народов. Таким образом, та самая особенность эксплуататорских отношений, на которой и построена эксплуатация, объявляется источником отсталости.

Благодаря внешней теории элиты и эксплуатации, которая ее характеризует, можно несколько сгладить конфликты внутри страны. А именно, в связи с сверхэксплуатацией отсталых колониальных народов можно допустить для своих «собственных» неполноценных сравнительно более высокий уровень жизни. И речь идет не только о более высоком жизненном уровне, но и о сфере политики. Уместно напомнить тут замечание Энгельса в письме Марксу от 23 мая 1856 года, написанном вскоре после возвращения его автора из поездки по Ирландии. Энгельс писал: «...и уже здесь видно, что так называемая свобода английских граждан покоится на угнетении колоний»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 43.

Не случайно развитие буржуазной демократии в сторону предоставления избирательных прав неимущим совпадает с развитием империализма. Возможность предоставить некоторые экономические преимущества избранным слоям «низших» классов метрополии позволяет также расширить и их политические права, в особенности же потому, что вышеназванный процесс ведет к появлению в метрополии оппортунизма и классового коллаборационизма. В действительности этот процесс необычайно сложен, и залог успеха как экономической, так и политической борьбы трудящихся в империалистической метрополии коренится в их собственной борьбе, организации и силе. Но элита не сбрасывает со счетов возможностей уступок, политики соглашательства, появления некоего классового «единства», тесно связанных с системой империалистических прибылей.

Еще одним доказательством является то, что разложение империализма усугубляется одновременным крушением обеих теорий господства элиты. Прежде всего внутренние конфликты подкрепляются пробуждением «отсталых» народов, а нарастание внутренних конфликтов в свою очередь влияет на углубление внешних.

Для нас же важно было показать, что понятие свободы в буржуазной теории и практике, по сути, есть элитарное и расистское. В такой свободе всегда имеется нечто от свободы волка, задирающего овцу, иными словами — свобода первого оборачивается для последней смертью. Следовательно, концепции свободы в буржуазной теории и практике всегда было присуще некое антигуманное содержание, что вполне понятно, поскольку речь идет об ограниченности социального строя, пребывающего в вопросах гуманизма и по сей день еще в каменном веке.

4. МАРКСИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ СВОБОДЫ

В противовес буржуазной концепции свободы марксисты рассматривают эту категорию не в негативном, а в позитивном плане. А именно в то время, как буржуазная концепция свободы основывается на отсутствии ограничений для каждого отдельного индивида и на наличии ограничений для правительства (последнее состоит из перечисления того, что правительству запрещено), марксистская философия сосредоточивает все внимание на диаметрально противоположном полюсе. Она рассматривает проблему свободы не в свете того, чего делать нельзя, а в свете того, что делать можно и даже необходимо.

Негативная свобода, пропагандируемая теоретиками буржуазии, проистекает из рассмотрения капитализма как естественного и абсолютно благотворного строя, как общества такого порядка, при котором торжествует разум и в котором поэтому действуют естественные законы. При этих обстоятельствах чем меньше делается, тем лучше. В этом случае направленные в адрес государства запреты становятся существенным залогом свободы. Чрезвычайно важно также помнить и то, что отличительным признаком цивилизованного общества и главной функцией государства считаются соответственно частная собственность на средства производства и охранение существующих общественных отношений.

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

С точки зрения имущих классов государство есть зло, однако зло неизбежное, поскольку необходимо сдерживать неимущих, тех, кто пребывает вне сферы политики, и поскольку речь идет о международных отношениях.

Марксистская точка зрения диаметрально противоположна. Марксисты считают капитализм не естественным и благотворным строем, а искусственным и паразитическим. Марксистское учение считает, что капитализм — это прогрессивная сила по отношению к феодализму, на смену которому он приходит, но не прогрессивная система в силу своей классовой природы и эксплуататорской сущности. Марксизм учит, что, вовсе не являясь отличительным признаком цивилизации, частная собственность на средства производства, которую никак не следует смешивать с другими формами собственности, есть главная основа исторически отжившего строя; что с развитием общественного характера процесса производства сохранение частной формы присвоения все более и более сковывает, тормозит развитие общества не только экономически, но и в социальном, этическом и психологическом аспектах.

Следовательно, марксистское учение о государстве имеет классовый характер. Марксизм согласен с классическим буржуазным учением, согласно которому охрана частной собственности есть главная функция государства. Но, давая диаметрально противоположную оценку частной собственности, марксистское учение именно в этой функции государства и видит его порочную сущность. Призывая к изменению имущественных отношений, марксисты одновременно стремятся изменить природу государства, превратив его из механизма, который охраняет частную собственность, в механизм, который ее уничтожает. В первом случае, согласно теории естественности экономического базиса, вся суть свободы состоит в отсутствии ограничений; во втором случае, согласно теории эксплуататорской природы

экономического базиса, весь смысл усилий, направленных на достижение свободы, сводится к активным поискам путей изменения этого базиса.

Восстав против аристократии и феодализма и установив по своему разумению окончательный райский разумный социальный строй, буржуазия, в соответствии с теориями естественных законов вознаграждения одаренности и наказания отсутствия заслуг, все равно будет чрезвычайно подозрительно относиться к власти *per se* (по существу). Она будет рассматривать политическую власть как потенциальную угрозу буржуазному строю¹. Марксисты также рассматривают власть с классовых позиций и считают ее средством сохранения капитализма, то есть того строя, который придал власти ее специфическое содержание. Но марксистское учение не относится к власти *per se* враждебно или обязательно подозрительно. Все зависит от того, какова эта власть, каковы ее истоки и в каких целях она применяется.

СВОБОДА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Буржуазная концепция свободы имеет лишь политическое содержание; она полагает, что вопросы экономики несовместимы с проблемой свободы. Это происходит потому, что для буржуазии, как мы уже подчеркивали, капитализм является не экономической системой, а скорее естественным порядком. Для буржуазии капитализм есть экономическая свобода; сохранение капитализма требует только невмешательства в его естественное функционирование. Конечно, в недавнем прошлом капитализму пришлось пойти на целый ряд компромиссов по сравнению с

¹ С другой стороны, тут действуют и законы диалектики. Скажем, когда буржуазия чувствует, что не способна управлять по-старому, она может обратиться к фашизму, то есть к неограниченному применению государственной власти, с тем чтобы протворить свою кончину. Однако, делая это, буржуазия четко провозглашает идеалы свободы, демократии, равенства и разума, то есть лозунги, неизменно сопровождавшие ее в период становления и развития.

буржуазным учением в его чистом виде, но компромиссы эти лишней раз доказывают, что, находясь в состоянии общего кризиса, капитализм, следовательно, вынужден подправлять и свою идеологию, и практическую деятельность. Впрочем, компромиссы эти вовсе не отрицают основного положения буржуазной теории о внеэкономической природе концепции свободы.

Марксисты подчеркивают искусственную, созданную человеком, исторически сложившуюся и преходящую природу капитализма и поэтому считают, что капиталистическая экономика основана не на принципах свободы, а на принципах принуждения. Далее марксизм считает экономический базис общественного строя определяющим в конечном счете его природу и поэтому полагает, что существование классов, организация общества на основе разделения людей на владеющих средствами производства и лишенных их обеспечивает господствующую роль имущих и подчиненную роль неимущих в этом обществе.

Следовательно, в то время как теоретики буржуазии усматривают в проблеме свободы только политическое содержание и отказывают ей в связи с вопросами экономики, марксисты считают, что экономические отношения являются главным определяющим фактором как сущности, так и особенностей общества, а посему с этими отношениями теснейшим образом связана и проблема свободы. Для марксизма проблема свободы есть проблема человеческая и, следовательно, общественная, а не просто политическая. Поскольку марксистский взгляд является диалектическим, он ни в коей мере не рассматривает явления изолированно, разобщенно, поэтому свободу, как и все другие явления, марксизм рассматривает в единстве, в целостности, а не как нечто абстрактное или часть, вырванную из целого.

О РАВЕНСТВЕ

Теоретики буржуазии считают экономическое неравенство неотъемлемым признаком свободного

общества. В своем классическом виде буржуазная философия защищает тезис о том, что «все люди созданы равными», но это утверждение носит политический, правовой, формальный характер. Этим утверждается, что в вопросах государственного управления и перед лицом закона ни один человек, каковы бы ни были его богатство и происхождение, а также ни по какой другой причине, не должен пользоваться преимуществом (в политическом и правовом отношениях) перед другими. Однако прежде всего следует заметить, что сформулированная впервые в 1776 году теория эта даже в формальных политических и правовых границах исключала женщин и подразумевала только свободных белых мужчин, а вовсе не тех, кто находился в кабальном рабстве (indenture).

И даже по отношению к свободным белым мужчинам она допускала политическое неравенство, поскольку существовали дискриминационные правовые нормы экономического и религиозного порядка. Как бы важны ни были эти исключения, но, если мы оставим их в стороне и согласимся с вышеупомянутым утверждением в его общепринятой формулировке, все равно окажется, что понятие буржуазного равенства, как и понятие буржуазной свободы, подразумевает только сферу политики.

Извлеченное из естественности экономики политическое равенство не может не вызвать к жизни экономическое неравенство. Это неравенство, явившееся результатом различных способностей, стало, следовательно, краеугольным камнем «свободного общества». Даже наиболее просвещенные и революционные из буржуазных демократов (каким был Джефферсон, опасавшийся возникновения слишком резкого экономического неравенства как угрозы для стабильности общества) стремились не к уничтожению такого неравенства, а к его замалчиванию и в крайнем случае к ограничению.

Марксизм считает экономическое неравенство атрибутом несвободного общества. Значение, придаваемое экономике как основе социальной реальности и как сердцевине действительной власти, естественно,

приводит к осуждению экономического неравенства как фактора, нарушающего свободу. Марксизм отнюдь не требует уравнительной справедливости (в анархическом понимании) ни в тех случаях, когда невозможно развитие технико-экономического потенциала, могущего обеспечить изобилие, ни там, где стремление к изобилию опережает возможность его получения, ни в период перехода от капитализма к коммунизму. И все же в основе своей марксизм за уравнение. Марксисты отрицательно относятся к значительной разнице в доходах и полагают, что такие факты в основном отражают некоторую ограниченность технических достижений при социализме. Ликвидацию же вышеупомянутого значительного неравенства в доходах марксизм считает одной из важнейших задач при переходе от социализма к коммунизму.

ТЕОРИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА

Марксисты весьма и весьма сомневаются в истинности широко признанной теоретиками буржуазии теории индивидуализма. Для этого сомнения имеются два основания: 1) теория индивидуализма выгодна в основном тем, кому принадлежат средства производства, и создает условия скорее для безответственности и гедонизма, чем для действительного развития творческого потенциала отдельного индивида; 2) в индивидуализме содержатся признаки каннибализма, и он противоречит современной жизни, общественный характер которой достиг высокой степени развития. Из этих соображений извлечено определение, данное С. Райтом Миллом: «США [есть] перезрелое общество, самым отвратительным образом истощающее и притупляющее человеческую чувствительность, выше всего почитающее невежество и бодрый автоматизм, провозглашающее бесплодные доктрины, радостно и даже с большим энтузиазмом предающееся сомнительным удовольствиям бездумного и пусто-порожного существования». Хотя в описании нашего общества Миллс не всегда отличает одно явление от

другого, в частности с классовой точки зрения, но, на мой взгляд, люди мыслящие не смогут отказать его анализу в наличии большой доли правды.

Далее, индивидуализм вступает в конфликт с коллективными потребностями общества и поэтому практически уходит все дальше и дальше от своих первоначальных принципов. Это в свою очередь порождает острое чувство вины, внутренней опустошенности и цинизма, приводя к антиобщественным поступкам и растущему количеству случаев психического расстройства.

Марксистский взгляд на человечество вообще оптимистичен, в буржуазных же взглядах преобладает мрачный пессимизм. Правда, на заре революционной юности буржуазии, стремившейся тогда переделать мир, было свойственно положительное отношение к народу, самым блистательным и красноречивым образом выраженное у Шекспира, который (о чем не следует забывать) сравнивал человека с истинным богом. Но, считая человека существом благородным, буржуазия имела в виду имущих, собственников, людей с положением. Существовавшая на протяжении всей классовой истории человечества тенденция смотреть на человека как на существо отвратительное, как на червя никогда полностью не исчезала со страниц буржуазной литературы. Она в ходе загнивания капитализма все более усиливается, как и другие атрибуты увлечения средневековьем.

Марксизм подчеркивает разлагающее влияние классового общества, но отнюдь не разложение человеческой личности. Более того, в то время как идеологи буржуазии рассуждают о расслабляющем влиянии бедности и угнетенности, марксизм подчеркивает разъедающее влияние классового господства и облагораживающее влияние совместной борьбы. Буржуазия толкует об обессиливающем действии увольнений рабочих за участие в забастовке или политическом выступлении. Марксизм знает, что рабочий оказывается жертвой, но не приписывает ему пассивности, а считает его борьбу непрерывной и созидательной.

Для буржуа иметь предка-раба — позор, но предок-рабовладелец для него признак отличия, и чем большим количеством рабов он владел, тем это почетнее. Марксистские оценки диаметрально противоположны.

МАРКСИЗМ И ЭЛИТИЗМ

Во всех классовых обществах, и в особенности в капиталистическом, цивилизация рассматривается в основном с позиций теории элиты. Отражая и оправдывая строй, при котором меньшинство эксплуатирует большинство, созданы теории, оправдывающие такое устройство. Эти учения, независимо от того, рядятся ли они в религиозную или мирскую тогу, исходят, в сущности, из того, что господство меньшинства необходимо и закономерно, ибо массы менее полноценны (и более греховны), нежели избранное меньшинство. При капитализме утверждается, что меньшинство, которое владеет средствами производства, получает и сохраняет ее благодаря своей сверходаренности и поэтому теория элиты есть воистину естественное выражение одаренности.

Идеологически это оправдывают тем, что меньшинство принадлежит к избранным (если применять теологическую терминологию) или что меньшинство разумнее (если пользоваться психологической и «научной» терминологией). Последнее более приемлемо в наш атеистический век, поэтому были сочинены так называемые тесты — испытания умственных способностей. Тесты сплошь и рядом искажаются, ими злоупотребляют, их неверно истолковывают, чтобы доказать, что богатые разумны, а бедные глупы, причем никого это не удивляет, а элита даже находит в этом утешение.

Утверждают, будто результатами тестов объясняется положение в обществе, но на деле сами тесты основаны на расслоении общества, а весь метод тестирования, отбора и истолкования отражает все ту же классовую структуру общества. Итак, одно объясняет другое и все к лучшему в этом лучшем из миров. В соответствии с полученными данными строятся и

система образования, чем вновь обеспечивается достижение аналогичных последствий в надежде сохранить стабильность статус-кво, выработавшего метод тестирования.

Таковы лишь некоторые из главных идеологических одежд теории элиты при капитализме, предназначенной для внутреннего употребления, в более или менее измененном виде существующей в основном с самых первых дней его официальной истории. Почтенный возраст этой теории, между прочим, придает ей дополнительный вес.

Капиталистическая экспансия привела к колониализму в XVII и XVIII столетиях и к империализму в XIX и XX столетиях. Расширяя и усиливая капиталистическую эксплуатацию, колониализм и империализм сталкиваются с различными народами и общественными устройствами. Эти общественные устройства подвергаются уничтожению, а народы — ограблению и угнетению. Обе эти отвратительные акции требуют рационального объяснения, в особенности в связи с тем, что они явно противоречат религиозным и политическим идеям, разработанным для внутреннего употребления. Именно для оправдания грабежа и насилия господствующими классами и применяется теория элиты, которая отражает их мировоззрение. К тому же на сей раз жертвы не только исповедуют иную веру, говорят на ином языке, имеют иные нравы и обычаи, но у них даже совсем другой цвет кожи. Отсюда также берет начало разновидность теории элиты, именуемая расизмом. Внутренняя и внешняя теории элиты эпохи капитализма питают друг друга, а взятые вместе становятся важным идейным подспорьем для охранения всей эксплуататорской системы.

Фактически внешний элитизм стал одним из важнейших источников политической свободы, достигнутой в капиталистических метрополиях Запада. Как заявил Джон К. Кэлхоун, только при условии порабощения черных возможна свобода для белых, то есть империализм признал, что только благодаря сверхэксплуатации и массовому угнетению цветных народов

мира он может пойти на экономические уступки или политические реформы у себя дома.

Марксизм категорически отвергает теорию элиты и расизм, считая их в корне ложными по своей сути. Сверходаренность правящей верхушки в классовых обществах прошлого проявлялась главным образом в форме господства, коварства и обмана, а ее господствующее положение объяснялось тем, что у нее в руках были средства производства. Создателями материальных благ и подлинными творцами истории являются эксплуатируемые массы, лишенные средств производства¹.

Сверходаренность богатых есть умение управлять; власть принадлежит им, поскольку они собственники средств производства. Одновременно с этим господством возникла и система элитизма, усилиями которой большая часть человечества лишена культурных, общеобразовательных, политических и материальных земных благ. Это означает, что большая часть человечества лишена свободы, но благодаря этому оставшаяся часть человечества обладает свободой в различной мере и в разных ее проявлениях.

Марксизм считает, что блага, произведенные трудом эксплуатируемых масс, по праву принадлежат им и, если разрешить трудящимся пользоваться этими благами, они прекрасно смогут ими распорядиться. Марксизм полагает, что, получив в свое полное распоряжение средства производства, народные массы смогут преодолеть (а в странах социализма они уже в разной степени этого добились) то, что Маркс назвал «царством необходимости». На этой основе, удовлетворив нужды человечества, можно будет со-

¹ Эта нравственная истина изложена у Марка Твена в книге «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» в том месте, где о рабочих говорится, что «это и был народ, подлинная нация; это сословие включало в себя все, что было в нации полезного и достойного уважения; исключите его из нации, и у вас останутся лишь подонки и отбросы, вроде короля, знати и дворянства, — ленивые, бесполезные, умеющие только разрушать и не представляющие никакой ценности для разумно устроенного общества». Марк Твен, Сочинения в 12-ти томах, т. 6, Гослитиздат, М., 1960, стр. 383.

здать, по словам Маркса, «истинное царство свободы»¹. Тогда будет построено коммунистическое общество, в котором будет существовать полнейшая свобода самовыражения индивида во всех областях человеческой деятельности, никогда не вступая в конфликт с самовыражением других индивидов.

На земле впервые возникнет общество, в котором широкие массы будут грамотными, культурными, уверенными в себе, здоровыми и доброжелательными, и это приведет к такому возрождению культуры и к такому расцвету человеческой одаренности, о которых люди никогда не смели и мечтать.

О СТИХИЙНОСТИ И ПЛАНОВОСТИ

Как мы уже отметили ранее, одним из компонентов свободы, с точки зрения идеологов буржуазии, является стихийность, поскольку только непредвидимое может быть свободным. Марксизм придерживается диаметрально противоположного взгляда.

Говоря о стихийности, можно ли представить себе что-нибудь более стихийное, нежели судно в бурном море, на борту которого находится один несведущий в морском деле человек? Но представим, что человека обучили морскому делу и он применяет свои знания. Не утрачивается ли здесь стихийность? Но потеряна ли свобода? Или наоборот, разве этот человек не обрел свободу, поскольку теперь он властелин собственной судьбы в гораздо большей степени, чем раньше? А если дать этому человеку еще весла и паруса, дабы он мог применить свои знания с большей пользой, а затем добавить компас, карту, мотор и опытный экипаж, с которым он мог бы работать и который выполнял бы различные поручения? Разве каждое из этих добавлений не уменьшает возможность стихийности и не увеличивает меру свободы?

Плановость кажется вмешательством, если считается, что господствующий строй саморегулируем и ничто так ему не мешает функционировать, как вме-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 387.

шательство в саморегулирование. Это помогает идеологам капитализма в утверждении, будто при планировании свобода исчезает постольку, поскольку исчезает стихийность. Все это основано на предположении (и обычно лишено четко аргументированных доказательств), будто капитализм есть естественный строй и функционирует естественно. Однако в других отраслях никто не действует таким бесплановым и стихийным порядком. Скажем, никто не стал бы проектировать строительство здания без некоторого плана; и никто не стал бы думать о составлении плана для здания без определенных знаний о свойствах строительных материалов, о законах физики и архитектуры и т. д. Такое знание и планирование суть необходимые условия строительства, без них и еще без кое-чего человек не способен (или, иными словами, не свободен) построить здание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если рассматривать действительность и общество с точки зрения диалектического материализма, то вещи, очевидные при строительстве здания, становятся столь же очевидными при взгляде на действительность и общество в целом. Во втором случае все бесконечно сложнее и труднее, чем в первом, но принцип один и тот же. Таков смысл знаменитой формулировки Энгельса, что «свобода есть познанная необходимость». «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей». «Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116. Ту же мысль мы находим в трудах прославленного «еретика» и мученика Джордано Бруно, который еще в XVI столетии считал, что «необходимость и свобода суть одно и то же; следовательно, действие, вытекающее из естественной необходимости, есть дей-

Таким образом, как указал Энгельс, свобода «является необходимым продуктом исторического развития». Степень свободы возрастает по мере возрастания знания. Накопление знаний приближает к познанию истины, это и есть путь к познанию объективной истины. Библейское изречение гласит: «И познаете истину и истина сделает вас свободными». Освободив слово «истина» от его религиозного содержания, от его зависимости от веры, сделав его мирским и поставив в зависимость от науки, мы, согласно марксистскому учению, становимся на путь достижения свободы.

стве свободное». Профессор Белградского университета Светозар Стоянович полагает, что формулировка Энгельса является «крайним детерминизмом» и что «истинная свобода возможна только в рамках умеренного детерминизма Маркса». Лично я такого различия между взглядами Энгельса и Маркса не вижу и не нахожу никакой крайности в процитированной выше формулировке Энгельса, но мне бы хотелось обратить внимание читателя на точку зрения профессора Стояновича. Она изложена в его очерке «Этическое учение Маркса» (см. сб.: «Marx and the Western World», Univ. of Notre Dame Press, 1967, pp. 161—171).

5. О ПРИРОДЕ РЕВОЛЮЦИИ

Исследование природы революции можно начать с вопроса, уместно ли такое исследование в нашу эпоху. Мы говорим об этом потому, что существует мнение, будто в настоящее время проблема революции устарела. Профессор Артур М. Шлезингер-младший в книге «Жизненный центр», опубликованной в 1949 году, писал, например, что «современная наука наделила правящий класс такой силой, которая делает революции масс устарелым понятием»¹. То, что мистер Шлезингер решил написать об этом в тот самый период, когда в Китае победила народная революция, отражает не только неудачный выбор момента, это доказывает в корне неверное понимание им характера современной действительности, природы социальной революции.

Несомненно, начиная с 1949 года неоднократно демонстрировалась абсурдность теории, будто благодаря развитию техники, либо по какой-то иной причине, народные революции стали анахронизмом

¹ Иногда этот тезис звучит иначе, будто такие революции «устарели» на Западе. Так, Дж. Лихтхейм пишет: «В то время как буржуазная революция на Западе завершена, пролетарская революция оказывается невозможной...» (см. «Marx and the Western World», p. 4). Поскольку Грецию и Турцию из политических соображений теперь называют «североатлантическими державами», возможно, подобные же соображения требуют от некоторых ученых перенесения Кубы на восток!

(достаточно лишь вспомнить о революциях в Египте, Вьетнаме, Ираке и на Кубе). Напротив, мы живем в эпоху, когда отживший общественный строй, капитализм, на империалистической стадии своего развития сам поставил в повестку дня вопрос о революции. Мы живем, собственно говоря, в век, для которого характерно преобразование мира, когда на смену господству империализма приходит господство социализма. Это так же верно, как и то, что каких-нибудь пятьсот лет назад народы западной цивилизации жили в период перехода от феодализма к капитализму.

Создание средств массового уничтожения и развитие средств массовой пропаганды, находящихся в руках господствующих классов, вызывает необходимость некоторых изменений в тактике революции. Но текущие события подтверждают, что это не означает затухания революционного процесса.

Наш век действительно является эпохой революции *par excellence* (по преимуществу), самостоятельная природа и преобразующая сила которой не имеют себе равных в истории, количественные масштабы которой охватывают теперь не отдельные народы, а целые континенты, беспрецедентной по скорости, с которой развязывается революционный процесс.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Как же следует определить понятие революции? Американский толковый словарь предлагает нижеследующую формулировку: «Внезапное и насильственное изменение в системе управления или в политическом устройстве страны, вызванное по преимуществу внутренними причинами». В этом определении я нахожу очень мало того, с чем можно было бы согласиться, хотя внимание, уделяемое первостепенному значению внутренних причин, на мой взгляд, весьма обосновано. Я бы назвал революцией, скорее, исторический процесс, ведущий и в конечном счете приводящий к социальному преобразованию, при котором один господствующий класс заменяется другим, новым классом,

который в отличие от старого представляет собой растущую производительную силу и прогрессивные социальные возможности. Эта формулировка, на мой взгляд, предпочтительнее предыдущей в силу многих причин, одна из которых состоит в том, что в определении толкового словаря не чувствуется разницы между революцией и контрреволюцией. С моей же точки зрения, революция и контрреволюция суть два совершенно разных, даже диаметрально противоположных явления, а любое определение, называющее одним именем победу Джорджа Вашингтона и победу генерала Франко, скорее запутывает, чем проясняет вопрос.

История человечества на редкость динамична; изменение есть одна из ее постоянных величин, причем периодически возникают изменения такого характера и приводящие к таким последствиям, что верно их охарактеризовать можно лишь при помощи понятия «революция» в моей формулировке.

Но, дав себе труд подумать об этом, не перестаешь удивляться. Посудите сами. В прошлом на протяжении тысячелетней истории человечества всякий эксплуататорский, господствующий класс во всех странах мира держал в своих руках (поскольку он управлял) эффективные средства экономического и политического господства. Начнем с того, что в его распоряжении находились средства производства, он подчинил себе государственную машину, а также идеологию и культуру общества. В определенных случаях, скажем, при системе кабального рабства (*chattel slavery*), господствующему классу фактически принадлежат не только природные и вещные средства производства, но и сами производители.

КЛАССОВОЕ ГОСПОДСТВО ПРОТИВ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

На первый взгляд, конечно, кажется, что при таких условиях невозможна смена старого базиса новым. Если классы осуществляют контроль над производством средствами связи, системой образования, право-

выми нормами и вообще над всеми идеологическими формами и всей государственной машиной с ее аппаратом убеждения и принуждения, то кажется, что проще всего сохранять такой строй. Поэтому не удивительно, что в прошлом всякий эксплуататорский господствующий класс был убежден, что именно его строй, или «образ жизни», великолепен, что служило доказательством его вечности. Но *достойно удивления* то, что, хотя каждый господствующий класс во все эпохи и во всех странах мира настаивал на теории «здравого смысла», все они всегда и везде рано или поздно получали доказательства своей неправоты.

Если бы в истории человечества возникло всего одна-две революции, можно было бы их объяснить случайностью либо исключительно безответственной и неумной политикой свергнутого господствующего класса. Но вот революция победила, несмотря на все выступавшие против нее и значительно ее превосходившие явные и скрытые силы; мы не станем говорить о ее успехах, скажем только, что должно же существовать какое-то главное объяснение этой победы. Разве не ясно, что должна существовать некая непреодолимая сила, действующая в недрах всех существовавших до сих пор социальных систем, которая, несмотря на кажущееся всемогущество господствующего класса, добивается успеха в ниспровержении этого господства и коренным образом изменяет эти системы?

КОРНИ РЕВОЛЮЦИИ

Каков же источник этого неоднократно повторяющегося революционного процесса? На мой взгляд, его следует искать прежде всего в неизбежных коренных противоречиях, или антагонизмах, которыми до сих пор характеризовались все эксплуататорские общественные системы. Антагонизмы проявляются в том, что классовый конфликт, или борьба классов, является основной движущей силой писаной истории и в этом смысле, как указали Маркс и Энгельс в «Манифесте

Коммунистической партии», «истории всех до сих пор существовавших обществ».

Основным считается противоречие между средствами производства и производственными отношениями. Первые — когда они являются частной собственностью — находятся в антагонистическом противоречии с последними, которые должны быть общественными. По мере того как развиваются последние, развивается и их общественный характер, приводя данное органическое противоречие к все более и более критической стадии. Частная инициатива и общественное исполнение в капиталистическом производстве интенсифицируются по мере расширения капиталистического производства, его централизации и монополизации. В конечном счете присущие капитализму антигуманные и паразитические качества приводят к преобразованию производственных отношений в соответствии с производительными силами.

Главным в учении Маркса является то, что он указал на это неразрешимое противоречие между производительными силами и производственными отношениями; он подчеркнул также и то, что, ускоряя преобразование производительных сил, капитализм тем самым развязывает революционный процесс.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отмечали: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»¹.

В первом томе «Капитала» Маркс говорит об «абсолютном противоречии» между техническими нуждами современной промышленности и общественным характером, присущим их капиталистической форме. И далее: «Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 427.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 499.

А вот еще три подтверждения основной концепции марксизма; они взяты из того же бессмертного произведения: «Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно [всеобщее распространение фабричного законодательства как средства физической и духовной защиты рабочих. — *Прим. ред.*] приводит к созреванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества»¹.

«При капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда... превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила... Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, *какова бы ни была, высока или низка, его оплата*»² (курсив мой. — Г. А.).

И в конце концов сказано прямо: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»³.

Это противоречие органически присуще природе капиталистического общества, а следовательно, процесс революции свойствен самой жизни и общественному развитию. И следовательно также, у господствующих классов, какими бы могущественными они себе ни казались, никогда в прошлом не было возможности предотвратить свою кончину.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 512.

² Там же, стр. 660.

³ Там же, стр. 773.

В то же время это противоречие проявляется не только в потере господствующим классом могущества, оно проявляется в росте сил, сознательности и организованности эксплуатируемых. Эта двойственная природа коренного противоречия делает его неодолимым, оба элемента взаимопологают друг друга, одновременно являясь причиной и следствием, стимулом и результатом. Таким образом, отношения между этими двумя элементами противоречия диалектичны.

Это внутреннее противоречие существенно важно для объяснения процесса революции. Кроме этого, существует и так называемое внешнее противоречие, которое проявляется в факте неравномерного развития всех до сих пор существовавших общественных формаций. И действительно, не было случая, чтобы на всем земном шаре господствовала какая-нибудь одна и одинаково всюду развитая форма общества; не было таких обширных территорий на земном шаре, которые бы не находились по соседству с иной формой общества либо с подобными же себе формами, но пребывающими на других стадиях развития. Это также порождает конфликты и антагонистические противоречия, особенно в том случае, если каждая из аналогичных либо отличающихся лишь уровнем развития форм общества является, по сути, паразитической и эксплуататорской. Такое внешнее противоречие оказывает давление на существующие общественные порядки, ослабленные уже внутренней борьбой. И тут опять-таки одни противоречия усугубляют другие, то есть внешнее противоречие может обострить внутреннее или внутреннее может углубить внешнее. Взаимосвязь тут, как и во всех других случаях, не простая и не может быть непосредственной, ибо господствующие классы располагают некоторыми не использованными еще ресурсами, включая возможность применения внешних противоречий в качестве громоотвода для внутренних затруднений. Но в целом неравномерность развития, приводящая к конфликтам, углубляет внутренние противоречия, что приводит к борьбе и ликвидации эксплуататорского господствующего класса.

Поскольку большая часть человечества пребывает в состоянии нищеты и невежества, марксизм считает ликвидацию голода и неграмотности насущными вопросами проблемы достижения свободы. Весьма примечательное письмо священника римско-католической церкви, опубликованное в мирском католическом еженедельнике «Коммонвил» (30 июня 1967 г.), подчеркивает это с такой экспрессией, как будто это написано пером коммуниста. Преподобный Томас Р. Мелвилл сообщает из Гватемалы: «Ненависть или боязнь коммунизма не является доминирующим чувством там, где царят голод и нищета, и уж, конечно, это не сравнить с тем, как тут ненавидят нищету и бояться голода».

Дальнейшие слова священника имеют непосредственное отношение к проблеме свободы, и поэтому мы позволим себе привести здесь пространную цитату: «Соединенные Штаты объявляют себя защитниками свободы. Свободы от чего или свободы чего? Они толкуют о свободных народах мира. В каком же смысле эти народы свободны? Свободны работать, где они пожелают? Нет, потому что нет работы. Свободны жить, где они хотят? Нет, потому что у этих народов недостает даже пищи для поддержания жизни. Свободны говорить что им вздумается? Нет, потому что они не могут поднять голос протеста против своих эксплуататоров без того, чтобы их тут же не бросили в тюрьму как коммунистов. Свободны думать так, как им нравится? Нет, потому что у них никогда даже и не было возможности учиться. Свобода чего? Один бог это знает».

ПРИМЕР ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Пытаясь пролить свет на предпосылки революционного процесса, обратимся к истории нашей страны, и в частности ко второй американской революции — гражданской войне, которая закрепила некоторые завоевания нашей первой революции.

Чтобы уяснить истоки этой войны, перешедшей в революцию, необходимо понять, какие же силы вы-

нудили господствующую верхушку рабовладельческого класса избрать путь контрреволюционного *государственного переворота*, ибо гражданская война по природе своей являлась попыткой контрреволюции. По этому вопросу существует обширная литература, историки стремятся навязать роль главного преступника Аврааму Линкольну, утверждая, будто именно он вынудил правителей Юга прибегнуть к насилию. Точно такая же уйма литературы существует, между прочим, относительно Франклина Делано Рузвельта. В ней последний обвиняется в том, что именно он довел императорское японское правительство до нападения на Пирл-Харбор и тем самым стал истинным виновником вступления США во вторую мировую войну.

Обе теории ошибочны. Что касается развязывания гражданской войны (о которой только и пойдет речь ниже), то не требуется доказательств того, что заговор подготавливался лидерами рабовладельческого класса на протяжении многих месяцев (а некоторые из них отдали этому движению много лет жизни) еще задолго до того, как было совершено нападение на форт Самтер. Самоочевидно также и то, что эти лидеры осуществили образование так называемых Конфедеративных Штатов Америки незаконно и вопреки желанию большинства белых южан (не говоря уже о неграх, которые составляли треть населения Юга), набрали войска и отдали армейским соединениям приказ захватывать арсеналы, почты, военные форты и военно-морские базы, принадлежавшие Соединенным Штатам. Доказано также и то, что эти же лидеры повинны в артиллерийском обстреле одного из фортов, который отказался сдаться, после чего правители Конфедерации на несколько дней отдали этот форт на поругание и насилие.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ

Говоря о причинах гражданской войны, необходимо прежде всего понять, почему люди, осуществлявшие руководство рабовладельческим классом,

избрали такой путь. Они избрали его, впад в отчаяние, решив, что терять им нечего, а приобретут они все. В прошлом, когда эксплуататорские господствующие классы приходили к убеждению, что по-старому править нельзя, они (если у них хватало на это сил) становились на путь организованного насилия, то есть на путь контрреволюции.

Правящая верхушка рабовладельцев в Соединенных Штатах прибегла в 1860 году к насилию, ибо пришла к заключению, что, не сделай она этого, с нею будет в ближайшем будущем покончено, причем самым законным, конституционным образом. Следовательно, рабовладельцы рассчитывали, что путем контрреволюции им удастся вовсе отменить или значительно отсрочить свою гибель, которая, по их мнению, была бы неизбежной, если бы они примирились с результатами выборов 1860 года.

Существовали четыре взаимодействующие силы — две сугубо внутренние и две сугубо внешние, — которые заставили господствующую верхушку рабовладельческого класса, отчаявшись, пойти на все, вплоть до войны. Силы эти таковы (вначале мы их перечислим, а затем охарактеризуем каждую из них): 1) усиливавшиеся волнения среди четырех миллионов рабов-негров и возросшее классовое сознание и недовольство большинства бедных южан; 2) углубление экономических и социальных противоречий внутри рабовладельческо-плантаторского строя, что привело к политике экспансии; в свою очередь это помогло ускорить решение коренных вопросов будущего федеральных земель и решить в ту или иную сторону проблему рабовладения; 3) общественно-экономические преобразования к северу от линии Мейсона—Диксона, которые стали серьезной угрозой господству рабовладельческой плутократии в федеральном правительстве; 4) количественный и качественный рост аболиционистского движения.

А теперь вкратце охарактеризуем каждый из перечисленных пунктов. Рост недовольства рабов и белых бедняков на Юге достиг апогея в 50-е годы, и рабовладельцы действительно опасались (они сами гово-

рили об этом), как бы гражданская война не началась внутри южных штатов еще задолго до того, как они смогут навязать ее Вашингтону. Восстания и заговоры рабов достигли высшего накала на протяжении 50—60-х годов. Чрезвычайно возросли в этот период и другие проявления недовольства рабов, участились побегии. В это же десятилетие значительно увеличилось число белых бедняков, принимавших участие в освободительном движении рабов или симпатизировавших этому движению. В их среде (они не были рабовладельцами) начали возникать организации, политические и экономические платформы которых противоречили интересам класса плантаторов. Последнее было характерно для внутренней ситуации в южных штатах на протяжении всего десятилетия, предшествовавшего сецессионистскому заговору¹. Брожение в южных штатах имело огромное значение, ввергая в отчаяние класс рабовладельцев.

Рост процента белых, незадолго до начала гражданской войны лишившихся своих рабов, приводил к усилению противоречий внутри рабовладельческого строя. Этому способствовало также растущее стремление к захвату новых территорий с целью увеличения производительности труда и расширения земельных наделов, чтобы сохранить в неприкосновенности размеры прибылей. Продолжавшееся побуждение к экспансии объяснялось необходимостью поддерживать пропорцию между негритянским и белым населением на поддающемся управлению уровне. Рабовладельцы опасались, и не без оснований, что если когда-либо пределы рабовладения будут четко обозначены, то вопрос охраны рабов затруднится настолько, что будет граничить уже с самоликвидацией системы.

Эти два фактора составляли основные внутренние противоречия, ставившие под сомнение жизнеспособность американской рабовладельческой системы. Кроме того, вне рабовладельческих штатов, то есть на

¹ Сецессионистами называли представителей 11 южных штатов, требовавших государственного отделения южных, рабовладельческих, штатов от США. — *Прим. перев.*

Севере и Западе, осуществлялись преобразования, вызванные грандиозным увеличением «свободного» аграрного населения, быстрым ростом промышленного капитализма и назревающим расколом внутри торговой буржуазии Севера. Последняя ранее держала сторону плантаторов, особенно это касалось нью-йоркской торговой буржуазии. Но по мере развития промышленности, увеличения производства пшеницы и кукурузы на севере страны и завоевания мировых рынков значительная часть северной торговой буржуазии внезапно направила свои главные усилия на перевозку и продажу продуктов труда «свободных» фермеров. Это изменение было чрезвычайно важным, поскольку оно вызвало раскол в демократической партии, которая состояла главным образом из рабовладельцев. Так в конце концов в демократической партии образовались северная и южная группировки, и в 1860 году каждая из них выдвинула своего кандидата в президенты, дав возможность тем самым Линкольну одержать победу, хотя он был кандидатом относительно молодой политической партии и получил меньшее количество голосов.

Интересы классов, возникших в результате этого преобразования, то есть интересы фермеров, рабочих, промышленников, некоторых торговцев, были прямо противоположны интересам рабовладельцев. Это столкновение интересов проявлялось в противоположных позициях, занимаемых оппонентами по всем насущным проблемам того времени, будь то вопросы гомстедов, протекционистских тарифов, правительственных субсидий «для материального процветания нации», единой и твердой валютной системы или проблемы внешней политики. Поражение 1860 года, следовательно, нанесло чувствительный удар рабовладельческой плутократии и ускорило принятие отчаянного решения.

В конце концов *bona fide* революционное движение, то есть движение аболиционистов, в значительной степени стимулировавшееся указанными обстоятельствами, отбросило в сторону свое сектанство и

стало подлинно массовым движением. Оно стало для большей части Севера политически бдительным, организационно ответственным, решающим противовесом политической власти, настоящей идеологической силой. Это обстоятельство внушало страх рабовладельцам и привело их вкуче с другими обстоятельствами к попытке контрреволюции, то есть к попытке ликвидировать буржуазно-демократическую республику, узаконить кабальное рабство (chattel slavery), сделав его едва ли не первостепенным для всего Североамериканского континента.

Взятые вместе, эти внутренние и внешние силы толкали реакционный класс к насилию. После больших колебаний и нерешительности коалиции классов, враждебно относившихся к претензиям рабовладельцев и более или менее преданных буржуазно-демократическим республиканским идеалам, удалось отстоять республику. Деятельность этой классово неоднородной коалиции подкреплялась наиболее всеобъемлющим из возможных лозунгов: защитить Соединенные Штаты, спасти республику! Вначале во имя единства и сплоченности настоятельно подчеркивалось, что вопрос рабовладения не имеет ничего общего с конфликтом. Но поскольку право собственности на четыре миллиона рабов было основным для самого определения класса, развязавшего контрреволюционную ситуацию, и поскольку в этом праве заключалась главная сила этого класса, то, чтобы отразить нападение, нужно было посягнуть на сам институт рабовладения. Следовательно, чтобы защитить древние свободы (целостность республики, святость правовых и конституционных норм) в новых условиях, то есть в таких условиях, когда на эти свободы посягали в организованном порядке, возникала необходимость выковать новые свободы. Итак, чтобы сохранить Соединенные Штаты, необходимо было освободить рабов, а чтобы освободить рабов, необходимо было сохранить Соединенные Штаты.

С изменением стратегии изменился и тактический ход борьбы. Неграм, которые рвались в бой, наконец

разрешили принимать участие в военных действиях, и накануне капитуляции генерала Ли в армии и военно-морском флоте Линкольна уже сражалось 250 тысяч негров, самым решительным последствием чего и стала упомянутая капитуляция.

Следовательно, в процессе исторического развития США созревали революционные изменения, которые отражены в 13-й и 14-й поправках к конституции¹, конфисковавших частную собственность на сумму более чем три миллиарда долларов без всякой компенсации и подготовивших почву для дальнейших усилий по достижению реальной свободы для негритянского народа².

¹ Принятая в 1865 году 13-я поправка объявляет о запрещении рабовладения; принятая в 1868 году 14-я поправка объявляет, что все лица, рожденные или натурализовавшиеся в США, являются гражданами страны и того штата, где они проживают. — *Прим. перев.*

² Более подробный анализ гражданской войны в США см. в книге Г. Аптекера «The American Civil War» (International Publishers, New York, 1961).

6. РЕВОЛЮЦИЯ, НАСИЛИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

НАСИЛИЕ

Вероятно, наиболее привычным стереотипом, связанным с понятием революции, стало отождествление ее с насилием. Примеров тому существует множество. Читатель помнит, что определение революции, которое мы находим в толковом словаре, гласит: «Внезапное и насильственное изменение в системе управления...». Столь же обычно противопоставление революции мирным изменениям. Так, в своем предисловии к «Избранной поэзии и прозе Шелли» редактор К. Кеймерон подводит итог некоторым взглядам Шелли следующим образом: «Что же касается существующего в Англии положения вещей, то первым делом следует добиваться парламентской реформы, желательно мирным путем, но в случае необходимости следует прибегнуть к революции».

Но нельзя отождествлять насилие с сущностью и процессом революции. Насилие либо применяется, либо не применяется в этом процессе, и его наличие или отсутствие не является решающей чертой в определении революции. Как же следует тогда рассматривать связь насилия с революцией?

Во-первых, существует определение исторического материализма, содержащееся в знаменитом замечании Маркса: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». Это замечание, однако, не является

пропагандистским, оно — всего лишь наблюдение. Оно констатирует тот факт (во времена Маркса это был уже факт), что все случившиеся до тех пор в достаточной степени кардинальные (дабы их можно было назвать революциями) социальные изменения не происходили мирным путем. Хотя это замечание исключает приемлемость для революционера пацифистской идеологии, оно ни в коей мере не является также пропагандой насилия в его устах¹.

То, что это не пропаганда насилия, видно при изучении раздела исторического материализма об отношении между насилием и революцией. Это учение доказывает, что там, где революционной кульминации сопутствовало насилие, оно применялось только потому, что, очутившись перед фактом своей ликвидации благодаря общественному развитию, отживший класс стремится отсрочить такую развязку, прибегнув к насильственному подавлению революционных сил и классов. Источник насилия, когда последнее имеет место, следует искать в сопротивлении реакции, в ответных действиях на это сопротивление. Если это сопротивление достаточно сильное, может возникнуть революционный процесс.

Именно такое течение событий характерно для американской революции, в ходе которой колонисты просили мирным путем удовлетворить их требования и дать им «права англичан». Но требования колонистов монархией не удовлетворялись и права не га-

¹ Правда, в этом отрывке Маркс не только обращается к истории прошлого или, точнее, к истории буржуазии, но и к тому же употребляет слово «насилие» как синоним государственной власти. Эту цитату можно найти в первом томе «Капитала» в том месте, где Маркс рассматривает «различные моменты первоначального накопления». «Эти методы отчасти покоятся на грубейшем насилии, — продолжает Маркс, — как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, то есть концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761).

рантировались. Поскольку требования продолжали выдвигаться, а организованность и размах движения, предъявившего эти требования, возрастали, монархия в конце концов прибегла в 1775 году к массовому насильственному подавлению движения в целом. Король двинул десятитысячную армию на Бостон, блокировал порт и послал несколько отрядов с примкнутыми штыками арестовать лидеров движения. Монархия первой прибегла к насилию, революционеры же обратились к помощи силы как к последнему средству и акту сопротивления против примененного по отношению к ним насилия со стороны реакции. Сопротивление в конце концов оказалось успешным и произошла революция. В современной Испании попытка образовать прогрессивную буржуазно-демократическую республику была встречена государственно организованным насилием со стороны не только испанских феодальных и фашистских группировок, но и немецких и итальянских. Там реакционные классы противопоставили движению за коренное преобразование общества насилию, и сопротивление этому насилию оказалось безуспешным, вследствие чего восторжествовал контрреволюционный путч Франко, а страдания Испании длятся по сей день.

В случае, когда отсутствует какая-либо иная возможность борьбы за прогрессивное развитие общества, кроме насильственной, мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Таковой она была, например, на рабовладельческом Юге в нашей стране. Рабы, лишённые всех прав, находились, собственно говоря, в безраздельном владении у своих господ. Им запрещалось учиться читать и писать, запрещалось иметь какую-либо собственность, куда-либо перемещаться или что-либо делать без специального на то разрешения своих хозяев. В этих случаях индивидуальное сопротивление могло выражаться лишь в виде побегов или проявления «наглости» (*uppity*), как это называли рабовладельцы, либо в отчаянных актах насилия. При таком общественном строе организованная борьба могла вестись лишь в форме

стачек, саботажа или же (и это было наиболее распространенной формой борьбы) путем конспирации и мятежа. Но даже и в этом случае мое утверждение о связи между революционным процессом и насилием остается в силе, ибо и во время кабального рабства (*chattel slavery*) первоначальное применение насилия осуществляется реакционным классом. Во времена рабовладения господствует такой общественный строй, который опирается на осуществление неприкрытого насилия либо на откровенную угрозу его мгновенного применения. Во времена рабства рабов удерживали в повиновении силой, и сам рабовладельческий строй возник на основе насильственного порабощения бывших пленных.

Рабы были «военнопленными» почти в буквальном смысле слова, как их и назвал Джон Браун. Следовательно, действительным виновником насилия и последовательной политики его применения является эксплуататорский господствующий класс, а вовсе не тот класс, который стремится к основным социальным изменениям.

Аналогичная ситуация возникает при неприкрытом колониальном порабощении и при фашизме. Такие условия, к примеру, существовали в гитлеровской Германии. Монополисты правили там при помощи непрекращавшейся борьбы со своим собственным населением, которая состояла в систематическом заключении в тюрьмы, пытках и истреблении сотен тысяч борцов с фашизмом. Но монополии правили не только при помощи постоянного насилия внутри своей страны, но и благодаря беспрестанной насильственной агрессии за ее пределами. В такой ситуации, когда насилие применяется теми, кто стремится к коренным изменениям, оно осуществляется только в ответ на регулярное обращение к насилию со стороны сил реакции.

Поскольку инициаторами насилия являются реакционные классы, то вопрос, будет оно организовано или нет, зависит не столько от желания прибегнуть к силе, сколько от возможности применить ее. Вот почему в истории марксистского учения в различное

время существовали различные мнения касательно возможности перехода к социализму мирным или сравнительно мирным путем. Во второй половине XIX века Маркс, считая, что это возможно в Соединенных Штатах, Великобритании и Голландии, исходил главным образом из наличия высокоразвитого буржуазно-демократического уклада, преобладавшего в этих странах при относительно небольшой еще концентрации военного потенциала. Поскольку в революционной ситуации произошли перемены, изменилась и оценка, поэтому в годы первой мировой войны с ее интенсивной милитаризацией Ленин заявил, что переход к социализму мирным путем невозможен. Однако следует помнить, что эта оценка основывалась на учете силы реакционных классов, их готовности и способности прибегнуть к насилию. В апреле 1917 года тот же Ленин усмотрел глубокий разлад в силах российской реакции и поэтому указал на возможность перехода к социализму в России того времени мирным путем.

После февральской буржуазно-демократической революции Ленин настоятельно подчеркивал, что в стране фактически существует два средоточия власти, или, как он это назвал, «двоевластие» — Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. Последние верили в честность и благие намерения первого, но в Советах большевики еще не получили большинства. Большевики полагали, что в силу своей буржуазной природы Временное правительство не захочет и не сможет обеспечить настоящий мир, дать хлеб и землю крестьянам, что оно будет продолжать вести политику войны, пресмыкаться перед союзниками, сопротивляться любой настоящей аграрной или социальной реформе и пойдет на компромисс с монархическими силами. Поэтому большевики считали, что необходимо отдать «всю власть Советам» и перейти от буржуазно-демократической революции к социалистической, поскольку только последняя сможет принести мир, крайне необходимое стране конструктивное обновление и социальное просвещение.

Здесь уместно заметить, что во время Февральской революции и на протяжении нескольких месяцев после

нее Ленин отказался от лозунга и тактики «превращения империалистической войны в гражданскую»; в те месяцы он призывал к политике мирной агитации и убеждения, призывал доказать большинству в Советах, что большевики правы в своем анализе ситуации, и, завоевав большинство на свою сторону, осуществить переход от буржуазно-демократической революции к социалистической.

В газете «Правда» от 7 апреля 1917 года в работе «О задачах пролетариата в данной революции», известной как Апрельские тезисы, Ленин указал на три основных свойства, характеризующих период перехода от одной революции к другой — Россия характеризовалась: 1) «максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран)», 2) «отсутствием насилия над массами» и 3) «доверчиво-бессознательным отношением» масс к Временному правительству¹.

Таково было действительное положение вещей, заключал Ленин, и поэтому большевикам не следовало призывать к гражданской войне. Необходима была разъяснительная работа, терпеливая разъяснительная работа: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов...»²

В своей работе «О двоевластии», опубликованной двумя днями спустя, Ленин вновь призывает отдать всю власть Советам, ратует «за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами»³. Именно в этой статье Ленин также пишет: «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы... не сторонники захвата власти меньшинством»⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114.

² Там же, стр. 115.

³ Там же, стр. 148.

⁴ Там же, стр. 147.

В своей работе «Письма о тактике», также опубликованной в апреле 1917 года, Ленин прежде всего предостерегал «от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры...»¹. В статье, опубликованной в «Правде» 12 апреля и озаглавленной «Бесстыдная ложь капиталистов», Ленин говорит о лживом обвинении большевиков в пропаганде насилия. Напротив, говорит Ленин, именно буржуазные партии своей проповедью насилия и своей ложью о том, кто его пропагандирует, стимулируют насилие и призывают к нему: «„Правда“ и ее единомышленники не только не проповедуют насилия, а, напротив, говорят с полнейшей ясностью, точностью и определенностью, что весь центр тяжести работы для нас лежит сейчас в *разъяснении* пролетарским массам их пролетарских задач в отличие от поддавшейся шовинистическому угару мелкой буржуазии»².

В «Проекте резолюции о войне», написанном Лениным между 15 и 22 апреля, мы находим следующее высказывание: «До тех пор, пока русские капиталисты и их Временное правительство ограничиваются только угрозами насилия против народа... пока капиталисты *не* перешли к насилию над... Советами... до тех пор наша партия будет проповедовать отказ от насилия вообще...»³

Этот проект резолюции, автором которого был Ленин, предусматривал возможность одновременного перехода верховной власти в Германии и в России в руки Советов рабочих и солдат и, в случае если это произошло бы, предусматривал возможность более широкого перехода к социализму, может быть даже в мировом масштабе. Итак, «если в обеих странах, и в Германии и в России, вся власть в государстве перейдет всецело и исключительно в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, то все человечество сразу вздохнет облегченно, ибо тогда будет действительно

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 138.

² Там же, стр. 207—208.

³ Там же, стр. 262.

обеспечен самый быстрый конец войне, самый прочный, истинно демократический, мир между всеми народами, а вместе с тем обеспечен будет и переход всех стран к социализму»¹.

После того как 18 апреля Временное правительство объявило о своем намерении продолжать участие России в империалистической войне, резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая 21 апреля 1917 года, призвала: «Партийные агитаторы и ораторы должны опровергать гнусную ложь газет капиталистов и газет, поддерживающих капиталистов, относительно того, будто мы грозим *гражданской войной*. Это — гнусная ложь, ибо только в данный момент, пока капиталисты и их правительство не могут и не смеют применять насилия над массами, пока масса солдат и рабочих свободно выражает свою волю, свободно выбирает и смещает *все* власти, — *в такой момент* наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне, — *в такой момент необходимо подчинение воле большинства населения* и свободная критика этой воли недовольным меньшинством; если дело дойдет до насилия, ответственность падет на Временное правительство и его сторонников»².

Когда в тот же день премьер-министр Временного правительства Львов подал в отставку, среди многих других причин он указал на то, что правительство более не располагает доверием Советов. Впоследствии, особенно во время июльской демонстрации, когда правительство Керенского насильственно подавило выступления масс и объявило большевиков нелегальной партией, тактика и лозунги, намеченные в Апрельских тезисах (отсутствие насилия, мирное убеждение, завоевание большинства, полные права для инакомыслящего меньшинства), были отменены и на насилие реакционных сил ответили насилием, которое привело к победе Великой Октябрьской социалистической революции³.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 265.

² Там же, стр. 309.

³ Курсив во всех цитатах принадлежит Ленину. Напомним также о работе Ленина «Привет венгерским рабочим» (27 мая 1919 года), где он отмечает тот факт, что «переход к советскому

В Соединенных Штатах забастовки не часто сопровождаются насилием, хотя следует признать, что ввиду растущей сплоченности бастующих масс к ним начинают снова применять насилие, и не так уж редко. В общем, забастовки и пикетирование нынче уже не сопровождаются насилием. Но тридцать лет назад дело обстояло иначе. В 30-е годы появление где-либо пикетчиков независимо от того, как много их было и как долго они стояли, почти автоматически вызывало насильственные действия со стороны полиции, или хулиганов, или каких-либо платных агентов. Перемены в этом вопросе произошли в наше время не потому, что полиция или хозяева стали мягкосердечнее. Перемены эти главным образом отражают соответствующий сдвиг в расстановке сил между членами профсоюзов и капиталистами; если тридцать лет назад имелось шесть или семь миллионов членов профсоюзов, то сегодня их насчитывается 17 или 18 миллионов. Существуют и другие причины этих перемен, в том числе и рост классового коллаборационизма, но вышеназванная причина является главной. И сегодня боссам не менее прежнего хотелось бы наносить сокрушительные удары по тред-юнионизму, но в связи с вышеизложенными обстоятельствами у них теперь нет ни той власти, ни тех возможностей, чтобы поступать, как раньше.

Поэтому мы можем прийти к выводу, что насилие не является существенным свойством при определении революционного процесса и что укоренившиеся представления о тождественности насилия и революции ложны. И мы заключаем, что традиционный взгляд, возлагающий бремя ответственности за появление

строю» в Венгрии (в то время) был «несравненно более легким и мирным», чем в России. Ленин говорил, что «это последнее обстоятельство особенно важно», что, поскольку сопротивление таким изменениям будет большое и его придется усиленно преодолевать, все же в период перехода от капитализма к социализму главное, «сущность», по выражению Ленина, «не в одном насилии» и «не главным образом в насилии», но скорее в «организованности и дисциплинированности» рабочего класса, стремящегося «отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 384—385).

насилия во время коренных общественных изменений на сторонников таких изменений, также абсолютно ошибочен. Там, где насилие действительно сопутствует революционному преобразованию, оно зарождается в недрах сил реакции и стимулируется ими же, ибо это именно они стремятся потопить грядущее в крови.

Можно с уверенностью сказать, что истинные революционеры XX столетия не являются сторонниками насилия и политики силы, они стоят за изменение классовой общественно-экономической формации, которому всегда противоборствует организованное и систематическое насилие со стороны приверженцев отжившего и преступного социального строя. Ярчайшим примером последнего являются кишашие крысами трущобные гетто «золотой Америки».

ДЕМОКРАТИЯ

Помимо вышеупомянутого стереотипа, отождествляющего революцию с насилием, так же широко распространен и тот, который противопоставляет революцию демократии. Можно часто слышать, что проблеме перехода к новому общественному строю свойственна альтернатива — путь демократический или революционный, причем откровенно предполагается, что эти два пути взаимоисключают друг друга. Представление о том, что революция якобы противоположна демократии, содержит в себе и мнение, будто революционный процесс в основном протекает конспиративно.

Подобные мнения находятся в русле голливудских представлений о революции и не имеют ничего общего с действительностью. Каждому из нас приходилось смотреть «кинобоевики», в которых подлый мятежник требует, чтобы прелестная королева удовлетворила его гнусные желания, ибо в противном случае он раздует пожар революции, а если королева уступит, мятежник обещает отменить революцию. Такие фильмы, конечно, всегда начинаются с набранного в титрах мелким шрифтом предупреждения, что всякое сходство меж-

ду тем, что зрители увидят на экране, и реальной жизнью — чистая случайность. Действительно, как инсценировка революционного процесса, эта традиционная голливудская версия ничего общего с жизнью не имеет. Если главный смысл демократии есть широчайшее участие в ней народных масс (а на мой взгляд, это именно так), то весь революционный процесс и его кульминация вовсе не противоречат принципам демократии, но представляют собой их квинт-эссенцию. А чем глубже природа революционного процесса, тем он демократичнее, тем неуместнее станет конспирация, тем скорее корни революционного процесса приобретут народный характер и тем обязательнее в него будет вовлечено преобладающее большинство населения.

Антидемократична же именно контрреволюция, а посему она-то и носит конспиративный характер. Контрреволюции чужды интересы широчайших народных масс, она презрительно относится к массам, и, будучи по своей природе элитарной и эксплуататорской, она считает необходимым действовать тайком, путем намеренного обмана. Вот почему, мечтая отделить западную территорию Соединенных Штатов от вновь образовавшейся республики и создать свою собственную империю, Аарон Бэrr действовал при помощи всего нескольких сообщников, запасался оружием и все надежды возлагал на тридцать сребреников, присланных пилатами из Франции и Испании. Вот почему генерал Франко, представляя наиболее реакционные феодальные круги Испании, продался немецким и итальянским фашистам и втайне подготовил план насильственного свержения законно избранного народного правительства, опираясь при достижении своей цели не на испанские, а на наемные войска.

Вот почему свержение правительств Мосаддыка в Иране и Арбенса в Гватемале, чьи программы выражали чаяния народа и пользовались его поддержкой, было подготовлено Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов. Эти факты поистине антинародного, а потому тайного и конспира-

тивного изменения государственного правопорядка (не говоря уже о его незаконности и нарушении государственного суверенитета), являются примерами не революции, а контрреволюции.

Обвинение в «заговоре», выдвигаемое господствующим классом против революционного движения, явно вдохновляется стремлением опорочить это движение и используется в качестве предлога для того, чтобы поставить это движение вне закона и преследовать его пропагандистов и приверженцев.

Обвинение в антидемократизме, выдвигаемое против революционеров в нашей стране, является демагогическим использованием свойственной США давней демократической традиции и влияния, оказываемого этой традицией на многие миллионы моих соотечественников.

Основная причина традиционного обвинения в заговорщической и антиправительственной деятельности, на которое, как правило, навешивается ярлык «чужеземного влияния», выдвигаемого господствующим классом, кроется обычно в его собственном классово-рационалистическом объяснении своего господства. Иными словами, эксплуататорские господствующие классы всегда утверждают, будто система, которой они правят, есть сплошная идиллия и ничто, кроме преданности и удовлетворения, не присуще людям, которым посчастливилось жить при таком правлении.

Отсюда делается вывод, что, если начинается бурное революционное движение, оно отражает не коренные противоречия, антагонизмы и несправедливости, заложенные в недрах старого общества, а, скорее, гнусные махинации психически неполноценных индивидов или происки агентов какой-либо враждебной иностранной державы. Таким образом, причины волнений ищутся где угодно — в лстивых речах дьявола, во влиянии небезызвестной Декларации независимости, или «Манифеста Коммунистической партии», или Парижской Коммуны, или московского Кремля, или издававшейся Гаррисоном в Бостоне аболиционистской газетки «Либерејтор», или в антиамериканских происках королевы Виктории, или «Протоколов сион-

ских мудрецов», или баварских ясновидцев, — но ни в коем случае не допускается, что причина коренится в недрах общественной формации, которую данное движение стремится ликвидировать. Ибо, будь дело в этом, ставились бы под сомнение основные догмы строя, права тех, кто при нем господствует, и оправдывалось бы движение, направленное на ликвидацию этого строя.

Более того, подобный образ мыслей естествен для эксплуататорских господствующих классов, поскольку «врожденная элитарность» заставляет их с презрением относиться к народным массам. Они смотрят на простых людей как на отупевших от пьянства роботов либо как на непослушных детей или сонных животных; они считают, что простые люди подвержены припадкам ярости, легко провоцируются на проявление зверства и что другие способы выразить свои реальные нужды и стремления простым людям неподвластны¹. Так, с присущей теории элиты «отеческой заботливостью» эксплуататорские классы убеждены, что им лучше известно, в чем нуждается народ их страны.

Разительным примером подобного отношения и тенденций, усугубленных той разновидностью теории элиты, которая называется расизмом, может служить реакция американских рабовладельцев на проявления недовольства среди рабов-негров. Когда бы такое недовольство ни возникало, рабовладельцы неизменно уверяли, будто в этом виноваты прибывшие извне агитаторы, то есть северные фанатики, мошенники, из своих личных заблуждений или злонамеренных целей побуждающие к бунту их рабов. Аболиционисты отвергли это обвинение и настаивали на том, что причиной волнений рабов является само рабовладение. Они предложили драматическое доказательство этой своей теории, убеждая рабовладельцев, что знают велико-

¹ Здесь уместно будет привести отрывок из романа современного португальского писателя-антифашиста Аквилينو Рибейро «Когда воют волки». В эпизоде суда над политическими заключенными выступает прокурор: «Как того и ожидали, он предстал перед судом со своими обычными доводами (этими классиче-

лепное и долгодействующее целебное средство против восстаний рабов, которое, однако, если его не применить, становится в то же время залогом продолжения волнений.

Если вы хотите ликвидировать бунты рабов, говорили аболиционисты, ликвидируйте само рабовладение. Если рабов освободить в понедельник, то уже во вторник начнется эпоха, в которую с восстаниями рабов будет покончено навсегда. Однако, если рабов не освободить, то, несмотря на любые превентивные меры, восстания будут продолжаться.

Именно эту мысль и внушал во времена американской революции (которая, казалось, и сама была хорошим уроком) Континентальному конгрессу Бенджамин Франклин в ходе обсуждения налоговой политики. После его речи депутат от Мэриленда заметил, что он не видит необходимости делать различие между разными формами собственности, когда речь заходит об обложении их налогом, и поэтому полагает, что принцип налогообложения владельцев рабов не должен разниться от принципа налогообложения владельцев овец. Тогда Бенджамин Франклин, отметив, что, поскольку мэрилендцу не удалось увидеть разницы между такими формами собственности, как рабы и овцы, спросил его, не может ли он указать хотя бы на одно восстание овец. Если бы человеческое существо только и делало, что жевало, испражнялось, давало потомство, а после смерти его мясо можно было бы вялить, то, конечно, никаких восстаний рабов и в помине бы не было, как не было никогда восстаний овец. Ведь именно способность думать, тосковать,

скими аргументами дискреционной власти), а именно с презумпцией, будто всякое народное волнение, или, применяя юридическую терминологию, «коллективное неповиновение», испытывает тайное влияние, то есть влияние коммунистических агитаторов. Он отказывался признать и даже не мог допустить возможности того, что восстание народных масс может начаться стихийно, из-за того, что они почувствовали, что им самим и их интересам грозит опасность. Все это следовало представить плодами деятельности какой-то нелегальной организации, стремившейся нарушить покой, счастье, мир и изобилие португальского Эльдorado». (Macmillan, N. Y., 1963, p. 186.)

мечтать, планировать, сравнивать, испытывать недовольство и предвидеть ликвидацию его причин, именно великое стремление к тому, чтобы жизнь стала лучше, чем она была у нас и у наших детей, — именно это и является отличительным свойством существ, принадлежащих к человеческому роду. Это и есть главная движущая сила истории, поскольку только антагонизмы и противоречия, возникавшие в недрах всех до сих пор существовавших эксплуататорских обществ, приводили в основном к развязыванию революционного процесса, который в прошлом существовал, развивался и побеждал, несмотря ни на что¹.

Понятие демократии рождено революцией, и не последнюю роль в этом смысле сыграла наша американская революция. В XVIII столетии американское слово «конгресс» звучало во всех дворцах мира и оказывало такое же влияние, какое в XX столетии возымело русское слово «советы», раздававшееся во всех особняках мира. А слово «гражданин» означало ту же приверженность вопросу народовластия, как и слово «товарищ» сегодня.

В наши дни, когда полнейшее осуществление народного управления во всех аспектах стоит на повестке дня истории, особенно ясна демократическая и антиконспиративная природа революционного процесса. Поэтому Энгельс еще в марте 1895 года смог написать во «Введении» к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»: «Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они

¹ Отметим, что в «Святом семействе» (1845), объясняя бунт пролетариата против эксплуататорского общества, Маркс говорил о «возмущении», «которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 39).

проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет»¹.

И, мне думается, отрезок истории со времен написания Энгельсом этих слов в дальнейшем лишь подтвердил их истинность.

Подведем итог. Революционный процесс был самым демократическим из всех исторических движений прошлого, а нынче, в современную эпоху, эпоху перехода от капитализма к социализму, революционный процесс также остается полностью демократическим и в своей вдохновляющей идее, организации, в своих целях и формах их достижения².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 544.

² Приведем, например, высказывание Ленина, аналогичных которому в его трудах можно найти множество. В своем «Привете итальянским, французским и немецким коммунистам», написанном 10 октября 1919 года, Ленин говорил: «Пролетариат прекрасно знает, что для успеха его революции, для успешного свержения буржуазии *безусловно необходимо* сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения)» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 219).

7. О «ДОРОГОЙ ЦЕНЕ» РЕВОЛЮЦИИ

Широко распространено мнение, будто революция, принося с собой возможность значительных изменений, достигает этого ценой человеческих страданий и что эти издержки обходятся слишком дорого. В наши дни можно услышать заявления следующего содержания: хотя революции привели к неоспоримым успехам, они были осуществлены ценой чрезмерных мучений.

В связи с этим мне хотелось бы предложить для рассмотрения несколько пунктов.

КАК ОПРЕДЕЛЯЮТ «ЦЕНУ»

Во-первых, как правило, те, кто сокрушается по поводу якобы чрезмерной цены революции, принимают на веру подсчет цены, обвинения и сообщения, исходящие от врагов революции. Так, после десятилетий дезинформации относительно революции в России американский народ с чувством удивления увидел, как Советский Союз выстоял против предводительствуемых Гитлером объединенных сил всей Европы, остановил их и в конце концов погнался назад, туда, откуда они пришли, и еще дальше, располагая при этом не столь уж существенной помощью извне. И снова, начиная с 1957 года и первого спутника, общее чувство удивления охватывает огромные слои населения США, когда у них на глазах демонстрируются грандиозные технические достижения, несомненно отражающие высокий уровень образования, науки, техники и промыш-

ленного развития в Советском Союзе, что оказалось в вопиющем противоречии с преподносившейся американцам картиной отсталого, нищего, замученного и невежественного народа.

Впрочем, возвратившись из СССР, такие люди, как миссис Рузвельт и Эдлай Стивенсон, обеспокоенные царившим в США крайним невежеством и дезинформацией относительно этой страны, заявили, что попытаются дать нечто вроде объективного репортажа, отражающего действительное положение вещей. Говоря об этом, мистер Стивенсон приоткрыл завесу над причиной такой дезинформации. Он отметил, что трудно рассказывать правду о поразительных успехах в системе образования, о достижениях науки и производства в СССР, не прославляясь сторонником социализма!

Что же касается китайской революции, то абсурдное утверждение наших правителей, будто эта страна может существовать лишь в том случае, если ее признает правительство США, привело к почти полному отсутствию достоверных сведений из первых рук, а газета «Нью-Йорк таймс» до сего дня еще не знает, что правильное название столицы Китайской Народной Республики — Пекин, а не Бейпин!

Люди, твердящие о «слишком дорогой цене» прогресса, к которому может привести революция, по сути, опираются на заведомо недостоверные и фальсифицированные сведения о революциях, и от этого зависят их оценки, что явно не лезет ни в какие ворота.

ЦЕНА ДОСТИЖЕНИЯ СТАТУС-КВО

Во-вторых, те, кто сокрушается по поводу дорогой цены революции, подразумевают при этом, что цена достижения статус-кво была незначительной. Мы полагаем, что такая точка зрения требует пересмотра. В современном мире существует два главных типа революционного движения (часто они взаимосвязаны) — за национальное освобождение и за социализм. Оба движения стремятся к ликвидации империализма. *Но определялась ли когда-либо цена становления вышеупомянутого империализма?*

Разве торговля неграми в Африке и обращение их в рабство не связаны со становлением и развитием капитализма? Разве с этим же не связана политика геноцида, проводившаяся по отношению к коренному населению двух Америк и Азии? Разве длившееся столетиями истязание Индии не связано со становлением британского капитализма и империализма? Разве подготовка и ведение войн на протяжении нескольких столетий не были для капитализма самым выгодным бизнесом? Разве не факт, что исторические обстоятельства, о которых я только что упомянул, стоили жизни на протяжении тех же четырех столетий сотням миллионов людей? Разве трудно привести целый ряд других столь же присущих периоду становления капитализма и характерных для колониализма и империализма примеров исторических обстоятельств, стоивших жизни и приносивших ужасные страдания еще многим и многим миллионам мужчин, женщин и детей?

ЦЕНА СТАТУС-КВО

В-третьих, не находите ли вы, что при сетованиях на серьезные издержки революции одновременно предполагается, будто статус-кво существует ценой совсем незначительных человеческих страданий? Но справедливо ли это убеждение? Помнят ли о подлинной сущности ликвидированного статус-кво те, кто сожалеет о «максимальных издержках» революции?¹

¹ Тут хотелось бы привести высказывание бразильского ученого Элио Жагрибе, который теперь является профессором в Стэнфорде: «Несмотря на усилия антикоммунистической пропаганды и осознание того, что переход на путь коммунистического развития обойдется недешево, в странах Латинской Америки все более и более широкие слои населения начинают постепенно приходить к выводу, что этот образец по крайней мере обеспечивает надежную перспективу прогресса, тогда как любая другая альтернатива оказывается несостоятельной. *Более того, люди начинают понимать, что самая максимальная цена развития все же ниже, чем цена, уплачиваемая за отсутствие всякого развития.* В очерке «Марксизм и развитие Латинской Америки» из сборника под редакцией Н. Лобковича «Marx and Western World», стр. 245 (курсив мой. — Г. А.).

Никто не опровергал измышлений сторонников «дорогой цены» революции решительнее, чем Марк Твен, вложивший эти вдохновенные идеи в уста своего янки из Коннектикута:

«Казалось, будто я читаю о Франции и о французах до их навеки памятной и благословенной революции, которая одной кровавой волной смыла тысячелетие подобных мерзостей и взыскала древний долг — полкапли крови за каждую бочку ее, выжатую медленными пытками из народа в течение тысячелетия неправды, позора и мук, каких не сыскать и в аду. Нужно помнить и не забывать, что было два «царства террора»: во время одного убийства совершались в горячке страстей, во время другого — хладнокровно и обдуманно; одно длилось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно стоило жизни десятку тысяч человек, другое — сотне миллионов.

Но нас почему-то ужасает первый, наименьший, так сказать минутный, террор, а между тем что такое ужас мгновенной смерти под топором по сравнению с медленным умиранием в течение всей жизни от голода, холода, оскорблений, жестокости и сердечной муки? Что такое мгновенная смерть от молнии по сравнению с медленной смертью на костре? Все жертвы того красного террора, по поводу которых нас так усердно учили проливать слезы и ужасаться, могли бы поместиться на одном городском кладбище; но вся Франция не могла бы вместить жертв того древнего и подлинного террора, несказанно более горького и страшного; однако никто никогда не учил нас понимать весь ужас его и трепетать от жалости к его жертвам»¹.

ЦЕНА «УМЕРЕННОСТИ»

В-четвертых, разве к сетованиям относительно цены революции не примешивается мысль, что если и необходимы некие преобразования статус-кво (коль скоро такая необходимость признается), то осуществлять их можно постепенно, умеренно, так сказать, без всякого шума? Но если речь идет о действительно ко-

¹ Марк Твен, Сочинения в 12-ти томах, т. 6, стр. 384, 385.

ренных изменениях, то в этом случае политика реформизма, постепенности и так называемой умеренности есть политика молчаливого соглашательства с господствующим строем. Разве в прошлом коренных преобразований добивались при помощи политики умеренности? Разве таким путем, к примеру, были образованы Соединенные Штаты? Разве таким способом ликвидировались в мире феодальные привилегии? Разве так в нашей стране было стерто с лица земли кабальное рабство (chattel slavery)?

Сторонники политики умеренности в вопросе рабовладения имелись в Соединенных Штатах, но, конечно, их не было среди самих рабов. Нетрудно кричать об умеренности, когда на Голгофу ведут не тебя, а кого-то другого, и особенно если чужие страдания обеспечивают тебе освященные законом огромные имущественные права. Но в то время подобная тактика никуда не годилась, поскольку она демонстрировала полное непонимание природы рабовладения, тот факт, что это последнее олицетворяло сумму в несколько миллиардов долларов, что класс, владевший правом собственности на рабов, сосредоточил на этом основании в своих руках огромную политическую власть и что для отмены рабства эту власть следовало ликвидировать, а не «умерить». Возьми в нашей стране верх сторонники политики умеренности, мы и по сей день дебатировали бы вопрос о рабовладении, обсуждая, мудро ли поступим, если в 2612 году издадим закон о постепенном освобождении рабов, который, возможно, вызовет эффект к 3200 году нашей эры. И пока мы все терпеливо разговаривали, обдумывали и взвешивали, миллионам негров пришлось бы, конечно, по-прежнему оставаться рабами.

Кроме всего прочего, согласно умеренному подходу, статус-кво рассматривается как нечто статичное, хотя социальный организм (именно потому, что он организм) может пребывать в любом, но только не в статичном состоянии. Социальный организм изменяем, причем процесс изменений может быть либо прогрессивным, либо регрессивным. Общество не терпит лишь одного — статичности. Тактика умеренно-

сти — игнорировать стремление господствующего класса получать все больше и больше выгод из своего господства и попытки как можно надежнее увековечить это господство. Суть же дела состоит в том, что тактика умеренности не может уберечь эксплуататорский общественный строй от регрессивного движения, не говоря уже о том, чтобы обеспечить хоть сколько-нибудь существенный и значительный прогресс.

Более того, приемля в принципе статус-кво, сторонники умеренности, или реформизма, стремятся оказаться в стороне от всякой борьбы народных масс, от всякого серьезного массового движения людей, направленного на смену общественной формации. Но, по моему глубокому убеждению, прошлая история показывает, что господствующие классы сами ничего не дают, и это касается не только таких коренных проблем, как ликвидация рабовладения, это относится и к таким менее важным вопросам, как право объединяться в профессиональные союзы, движение феминисток или обеспечение пособий по безработице. Эти успехи были добыты в результате упорной длительной борьбы масс, и, чтобы закрепить их и приумножить, требуется постоянная бдительность, борьба масс также и после их достижения.

Мы выступаем здесь не против реформ, а против реформизма, ибо реформы являются промежуточными станциями на пути решающего общественного прогресса, а реформизм есть тактика увиливания от прогрессивного развития общества. Конечно, главные усилия социальной борьбы, опирающейся на достижения борьбы повседневной, сосредоточиваются в основном на насущных вопросах, имеющих непосредственное значение для огромного большинства народа. Успехи, достигнутые в такой борьбе, подготавливают почву для последующих и часто более важных завоеваний. Процесс достижения таких успехов есть, далее, процесс организации и воспитания участвующих в нем масс, объяснения им их собственной мощи и природы сил, им противоборствующих; таковы неотторжимые элементы, обеспечивающие возможность достижения решающего общественного прогресса.

ЦЕНА ПРОГРЕССА

В-пятых, доказывая глубокую ошибочность теорий о серьезных издержках революции, мы вовсе не стремились представить дело так, будто революция обходится без жертв. Конечно, это не так, ибо такое решительное, длительное и радикальное развитие, которое совершается в процессе революции, обходится недешево. При этом будут и человеческие трагедии и страдания, причем некоторые из них неизбежны, а часть является результатом недостатков, ошибок и заблуждений.

Великие дела не свершаются легко и не обходятся без издержек¹. Но революционные движения олицетворяют глубокие человеческие потребности и формируют непреодолимые социально-политические силы. Они коренятся в проистекающих из статус-кво невыносимых условиях существования, порождающих то самое пробуждение масс и их активность, без которых революция не только не сумеет победить, но вряд ли может начаться. Исходящий из высшего назначения человеческого существования — облагораживания человеческой жизни — реалистический анализ с исторической точки зрения показывает, по моему мнению, что революционный процесс вовсе не искупается многочисленными жертвами, а, напротив, скорее является струей свежего воздуха, силой, движущей вперед весь человеческий род.

¹ В отличие от своих весьма суровых оценок социалистических революций XX столетия историки-немарксисты, как правило, обычно очень деликатно и, так сказать, «объективно» судят о революциях более раннего периода. Типичен в этом смысле отрывок из статьи о Кромвеле в Колумбийской энциклопедии (2-е издание, 1950 г.): «Его военный талант и сильная воля признаются всеми. Он решил задачу сохранения в силе завоеваний гражданской войны и сплочения конфликтовавших между собой группировок в партии пуритан практически единственным возможным путем. Это были жесткость, насилие и нетерпимость, очевидно, лично Кромвелю не свойственные» (стр. 483).

8. НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Каковы же различия между революциями социалистическими и несоциалистическими?

Во времена революционных бурь, потрясавших историю человечества до появления социализма, во времена перехода от рабовладения к крепостническому землевладению, а от последнего к наемному труду, частнокапиталистической собственности и интенсивному развитию промышленности в Западной Европе и северном полушарии Нового Света, оставалось одно общее для всех этих формаций — рабовладельческой, феодальной и капиталистической — свойство: средства производства пребывали в частной собственности у незначительного меньшинства. При других типах революционного преобразования, особенно связанных с антиколониальным и национально-освободительным движением (например, образование Соединенных Штатов или наций в Латинской Америке), даже при коренных политических, экономических и социальных изменениях опять-таки неизменным оставалось одно: частная собственность на средства производства.

Именно переход к социалистическому способу производства, который не мог быть осуществлен во все прошлые революционные эпохи, и является характерной чертой социалистической революции. В этом случае, при переходе от капитализма к социализму, происходят коренные качественные преобразования,

глубокое отличие которых от изменений, происходящих при переходе от феодализма к капитализму или от рабовладения к феодализму, заключается в том, что тут навсегда уничтожается эксплуатация человека человеком.

Факт остается фактом — несмотря на все значительные изменения, происходившие на протяжении тысячелетней досоциалистической истории, оставалась неизменной частная собственность на средства производства. Окончательное и решающее средоточие экономической и политической власти в руках имущего класса (или классов) делало главной функцией управления сохранение таких отношений собственности. Постоянным также было отождествление способностей с благосостоянием, права собственности с самой собственностью, права владения с самим владельцем, богатства с добропорядочностью, а бедные всегда считались неспособными и ничтожными, невежество же мнилось постоянным спутником нищеты.

Это означало также, что во времена всех предыдущих революций возможна была та или иная форма приспособленчества, что и практиковалось в отношениях между имущими классами, обретшими всю полноту власти, и такими же имущими классами, но отторгнутыми от власти. То есть, к примеру, с ликвидацией рабства рабовладельцы обычно превращались, как это случилось в Соединенных Штатах, в класс крупных землевладельцев, сохраняя при этом всю власть и престиж. Во время таких революций компромисс становился правилом, поскольку после закрепления новой власти устанавливался союз с прежними правителями, оказавшимися теперь и в подчиненном, но почетном и уважаемом положении, — союз, зиждившийся на основе общей оппозиции к немущим.

Далее, во время свершения несоциалистических революций уже существует развивающийся строй, который должен прийти на смену отжившему; успешное же осуществление революции означает, что новый строй созрел до такой степени, что уже может отоб-

рать у старого класса его господствующее положение. То есть капиталистический строй существует еще до ликвидации феодализма, но наступает такая фаза развития, когда он уже в силах справиться с феодализмом. Это не значит, однако, что молодой революционный класс, буржуазия, возник только что; его существование означает, что *капитализм* уже появился и функционирует.

Достигая такой фазы развития, когда феодальные ограничения кажутся уже невыносимыми, капитализм (в случае, если он обладает политической и организационной силой, способной произвести насильственное преобразование общества) осуществляет переворот. Такое изменение и приход буржуазии к политическому господству лишь утверждают уже существующий новый общественный строй, а именно капитализм. Но теперь, после своей победы, буржуазия использует государство в собственных интересах, в интересах своего дальнейшего роста и развития. При этом обычно она допускает пережитки феодализма и приветствует продолжение рода в аристократических семьях. Позднее, приобретя всемирный размах и особенно приближаясь к своему концу и очутившись лицом к лицу с противоборствующим ему социализмом, капитализм уже активно поддерживает элементы феодализма вне рамок своей системы и даже пытается возродить в своих же рамках некоторые феодальные ценности.

Социалистическая же революция отлична во всех этих отношениях. В смысле отстранения буржуазии от политической власти и взятия ее рабочим классом и его союзниками социалистическая революция совершается до прихода социализма. Буржуазия отбирает у феодалов государственную власть, чтобы дальше развивать уже существующий капитализм; пролетариат же лишает буржуазию государственной власти и использует последнюю, чтобы *начать* построение социализма.

Конечно, и во времена буржуазных и социалистических революций революционные классы возникают задолго до осуществления революции, они ее возглав-

ляют. Но при социалистической революции, взяв в свои руки государственную власть, трудящиеся массы должны начинать преобразование характера и природы общественно-экономического уклада на голом месте. Можно глубже осознать значение этого отличия, если вспомнить, что социалистическая революция ставит своей задачей более глубокое преобразование, чем любая предшествующая революция. Социалистическая революция впервые ведет к уничтожению частной собственности на средства производства, она впервые ведет к построению такого общества, активными элементами экономики которого не будут стяжательство и личное возвеличение; последние при социализме считаются, напротив, пагубными.

В дальнейшем потребуются более серьезные свершения и их должен будет осуществить класс, которому не довелось приобрести навыков и знаний в сфере управления и руководства. При переходе от феодализма к капитализму и после победы последнего у буржуазии уже имеется опыт экономического и политического руководства и администрирования, то есть окончательно взяв государственную власть в свои руки, капиталисты уже имеют опыт участия в государственных делах. Они обладают достаточной культурой и образованием, прошли хорошую техническую подготовку и поэтому представляют собой многочисленный отряд квалифицированных людей, которые при новом общественном строе могут стать руководителями, дипломатами, экономистами, директорами, учителями, государственными деятелями.

Но трудящиеся массы, захватив государственную власть и приступая к коренному преобразованию общественно-экономического уклада, должны делать это, не будучи приучены во время господства предшествующего общественного строя к ведущим постам на высших руководящих уровнях. А поскольку это *есть* коренное изменение, сотрудничество с вытесненным классом не представляется возможным¹.

¹ Во всех трудах Ленина послереволюционного периода видна озабоченность вопросами управления новым государством,

Общенародный характер государственной власти и грандиозные задачи, стоящие перед государством во время осуществления социалистической революции, делают учение о преобразовании природы государства главной составной частью марксистской политической теории. В связи с чрезвычайными трудностями, возникающими при подготовке в таких беспрецедентных условиях преданных и квалифицированных руководящих кадров, способных к выполнению совершенно новых задач, марксизм специально заостряет внимание на вопросах защиты революционного государства.

Конечно, коренное различие между социалистической и несоциалистической революциями состоит в их отношении к частной собственности на средства производства. Первая — ликвидирует такую собственность, вторая — изменяет характер этой собственности, но оставляет в силе основной принцип; именно частная собственность на средства производства определяет характер всех остальных сторон данного общественного строя.

подбора руководящих кадров, преодоления бюрократического наследия прошлого, развития принципа личной заинтересованности. Все это сохраняет свое значение. Вот несколько примеров. «Бюрократизм и волокита... Проверь всю свою работу, дабы слова не остались словами, *практическими* успехами хозяйственного строительства» («План доклада на II Всероссийском съезде политпросветов», октябрь 1921 года; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 465); «Без личной заинтересованности ни черта не выйдет. Надо *суметь* заинтересовать» (записка В. В. Аванесову от 15 октября 1921 года; т. 53, стр. 269); в записке П. А. Богданову от 23 декабря 1921 года Ленин говорит о беспощадной борьбе с бюрократизмом и наказании за него как за преступление, поскольку «только так мы эту болезнь всерьез вылечим» (т. 54, стр. 87); в письме Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 года говорится: «Мы переняли от царской России самое плохое, бюрократизм и обломовщину, от чего мы буквально задыхаемся» (т. 44, стр. 398); другое письмо — Н. Осинскому от 12 апреля 1922 года — является настоящим криком души: «Чем больше углубляться будем в живую практику, отвлекая внимание и свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского (и совбуровского вообще) воздуха, тем успешнее пойдет улучшение» (т. 54, стр. 237).

ЛУЧШЕЕ ОБЩЕСТВО

В отличие от прежних типов революций, социалистическая революция означает более высокий уровень сознательности в борьбе за ее свершение, а также политику постоянного планирования во имя упрочения завоеваний революции и построения нового общества.

Социалистическая революция порождает строй, при котором изменение, развитие является непреложным законом и никогда не прекращается. В отличие от предыдущих революций социалистическая революция не считает себя последней. Она закладывает основы для появления общественного строя, лишённого классовых антагонизмов, разрешение которых было до сих пор главной движущей силой. Взамен этого при социализме возникает стремление к более полному овладению силами природы, а также появляется метод критики и самокритики. Эти силы при значительном техническом прогрессе обеспечивают переход от социализма к коммунизму, причем различие между социализмом и коммунизмом заключается в том, что коммунизм обеспечит всеобщее материальное благополучие, всеобщее равенство, отменит существующие при теперешнем типе государства его ограничительные функции.

Социалистическая революция впервые позволила построить общество, которое принципиально не приемлет никаких теорий элиты — ни расовых, ни религиозных, ни меритократических. Принцип служения народу победит тут принцип возвеличения, а отрицание элитарности поможет развитию разнообразных дарований и талантов, причем признание подлинного превосходства будет основываться на более значительном вкладе в общее дело и усиленном служении народу, а не на большем количестве наград и власти. Кроме того, в обществе, характеризующемся отсутствием классового антагонизма и объявлением эксплуатации вне закона, учение о роли руководителей, под которым в буржуазной социологии подразумевались обман и фальсификация, также изменится и станет

означать особенно выдающуюся деятельность и подлинное руководство массами.

Отрицание теории элиты при социализме наиболее ярко проявляется в принципиальной нетерпимости к расизму, поставленному во всех социалистических странах вне закона. Это означает не только принятие законов и обязательных постановлений внутри общества, это помогает определить отношение социалистических стран ко всей системе колониализма, которая в идеологическом плане опирается на расизм.

Такие атрибуты капитализма, как колониализм и расизм, по существу, означают создание паразитических условий в метрополиях, благодаря которым власть предрержащие обеспечивают своему населению относительно более высокий жизненный уровень и (часто) предоставляют больше политических прав на основе лишений и страданий народов, пребывающих в колониальной зависимости. Весьма печальным проявлением этого является империалистическая политика торможения развития индустрии в колониальных странах, понуждающая их народы становиться поставщиками сырья и потребителями готовой продукции, причем в обоих случаях цены устанавливаются господствующей державой.

Социализм не только создает возможности для быстреего роста промышленной продукции у себя в стране и не допускает повторяющихся кризисов, имманентно присущих эксплуататорским общественно-экономическим формациям, но у него нет причин мешать развитию промышленного производства в других частях света. Социалистические страны, напротив, заинтересованы в скорейшем развитии экономического потенциала во всем мире, поскольку это совпадает с их собственными интересами.

Итак, социализм превосходит капитализм по направлению и темпам развития производства, и тут социалистический строй выдержал максимальное испытание. Дело в том, что на своей последней стадии капитализм характеризуется в наше время заметным спадом в уровне развития производства в ведущих странах, а также тенденцией к сдерживанию темпов

развития производства в так называемой отсталой части мира. Ведь «прогрессивный» характер экономики империалистических держав базировался главным образом на отсталости остальной части мира.

Социалистическая революция вырвала из тисков империализма громадные зоны этого отсталого мира и за каких-то несколько десятков лет превратила эти территории в настоящие индустриальные районы, своим уровнем развития производства бросающие вызов передовым капиталистическим державам. В то же время социалистический лагерь проводит политику активной помощи и тем странам, где еще не восторжествовал социализм, поддерживая их стремление к развитию индустрии.

Поскольку свойственное капитализму противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения при социализме ликвидируется, этому строю чужды периодические экономические кризисы и прежде всего — ужас массовой безработицы. Опять-таки благодаря ликвидации этого основного экономического противоречия и сопутствующего ему стремления к получению прибыли социализм является таким общественным строем, для которого подготовка и ведение войн ни в коей мере не могут быть одной из главных движущих сил. Если экономику передовых капиталистических стран поддерживают путем громадных ассигнований на производство средств уничтожения и такие затраты там являются самым выгодным бизнесом, то при социализме подобные затраты попросту нецелесообразны. Социалистическая экономика не только не зависит от военных ассигнований, а напротив, последние ложатся на нее тяжелым бременем.

Следовательно, социалистическому строю вообще свойственно неумолимое, принципиально враждебное отношение к такому явлению, как война (это отношение возникло впервые в истории и им также характеризуется коренное отличие социалистической революции от всех предшествовавших ей революционных переворотов). По мере того как с совершенной очевидностью до сознания все новых и новых миллионов

обитателей земного шара доходит тот факт, что современная война будет чревата поистине катастрофическими последствиями и что один строй — капитализм — в ней нуждается и ее готовит, а другой — социализм — войну ненавидит и против нее борется, все менее привлекательным становится первый и все больше симпатий вызывает второй.

Отрицательное отношение социализма к элитизму также означает, что впервые в истории возник строй, действительно стремящийся к равномерности в развитии человеческих знаний и культуры. Он требует, чтобы величайшие общечеловеческие сокровища науки и искусства стали достоянием всех людей, а не какой-то горстки богачей и интеллигенции. Это, несомненно, не только приведет к равномерному всеобщему познанию этих сокровищ, но и вызовет создание новых шедевров в таких масштабах, о которых и мечтать не смели при всех других общественно-экономических формациях.

Истинное торжество народовластия станет возможным именно на основе этих достижений благодаря всеобщему изобилию и миру, а это значит, что социалистическая революция действительно претворила в жизнь идею подлинно народного управления, то есть правления от имени и во имя народа.

Следует отметить, что все вышеупомянутые преобразования и успехи не приходят сразу, так сказать, автоматически. Всего этого следует активно добиваться путем планирования и организации, причем достижение цели будет не только стоить многих усилий, но и займет немало времени. Препятствовать же достижению цели будут не только несоциалистические системы, но и пережитки прошлого внутри систем социалистических. Некоторые из этих пережитков имеют многовековую давность, они восходят еще к докапиталистическим и дофеодальным временам. Назовем лишь один из них — чувство мужского превосходства.

Сознательный характер социалистической революции и грандиозные задачи, стоящие при ее проведении и закреплении ее завоеваний, требуют и политической партии нового типа. Это партия единомышленников,

мужчин и женщин, руководствующаяся в своей деятельности диалектическим материализмом; она борется против строя, культивирующего презрение к человеку и насаждающего расизм и политику войн; это партия, вдохновленная идеями и достижениями социализма, чьей единственной целью стало претворение этих идей в жизнь.

Пока не созреют объективные и субъективные предпосылки, невозможно коренное изменение всей данной общественной системы, но это коренное изменение нельзя ни совершить, ни закрепить, не имея партии вышеупомянутого типа. Эту партию порождает само коренное изменение, но она одновременно сознательно ускоряет его темп и руководит им. Эта партия не оставляет борьбу ни при каких условиях: ее не останавливает ни вѣдро, ни непогода, она проходит через все испытания и заблуждения, познает горечь поражений и радость победы.

Коммунистические партии в капиталистических странах подвергались и подвергаются гонениям и судебным преследованиям, они переживали внутренние измены и разложение, они даже, как птица Феникс из пепла, возникали вновь после поголовного физического уничтожения своих членов. Такое упорство свидетельствует о необходимости этих партий. Социалистическая революция — революция сознательная, и поэтому ее вожди должны быть самоотверженными, целеустремленными и принципиальными, каковыми они и являются, и это рано или поздно приводит к победе.

Трудности велики, но они лишь говорят о величии конечного результата. Ибо ликвидация частной собственности на средства производства, завершение создания социалистического общества, когда сам рабочий класс возглавляет построение антиэксплуататорского строя, являются предпосылкой прихода самой гуманной эпохи в истории человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Мшвениерадзе. Социалистическая революция — путь к подлинной свободе и демократии</i>	<i>7</i>
1. Свобода как историческая категория	19
Джон Мильтон	20
Томас Джефферсон	22
Джон Стюарт Милль	27
Демократия и классы	32
2. О природе свободы	37
Государство и политическая власть	37
О теории политической партии	42
Американский опыт	45
Территория и однородность населения	48
3. Буржуазные концепции свободы	54
Свобода как отсутствие ограничения	54
Свобода как чисто политическая категория	57
Неравенство и свобода	59
Стихийность	61
Индивидуализм	61
Элитизм	64
4. Марксистское понимание свободы	67
Государство и власть	68
Свобода политическая и экономическая	69
О равенстве	70
Теория индивидуализма	72
Марксизм и элитизм	74
О стихийности и плановости	77
Заключение	78

ЦЕНА 39 КОП.